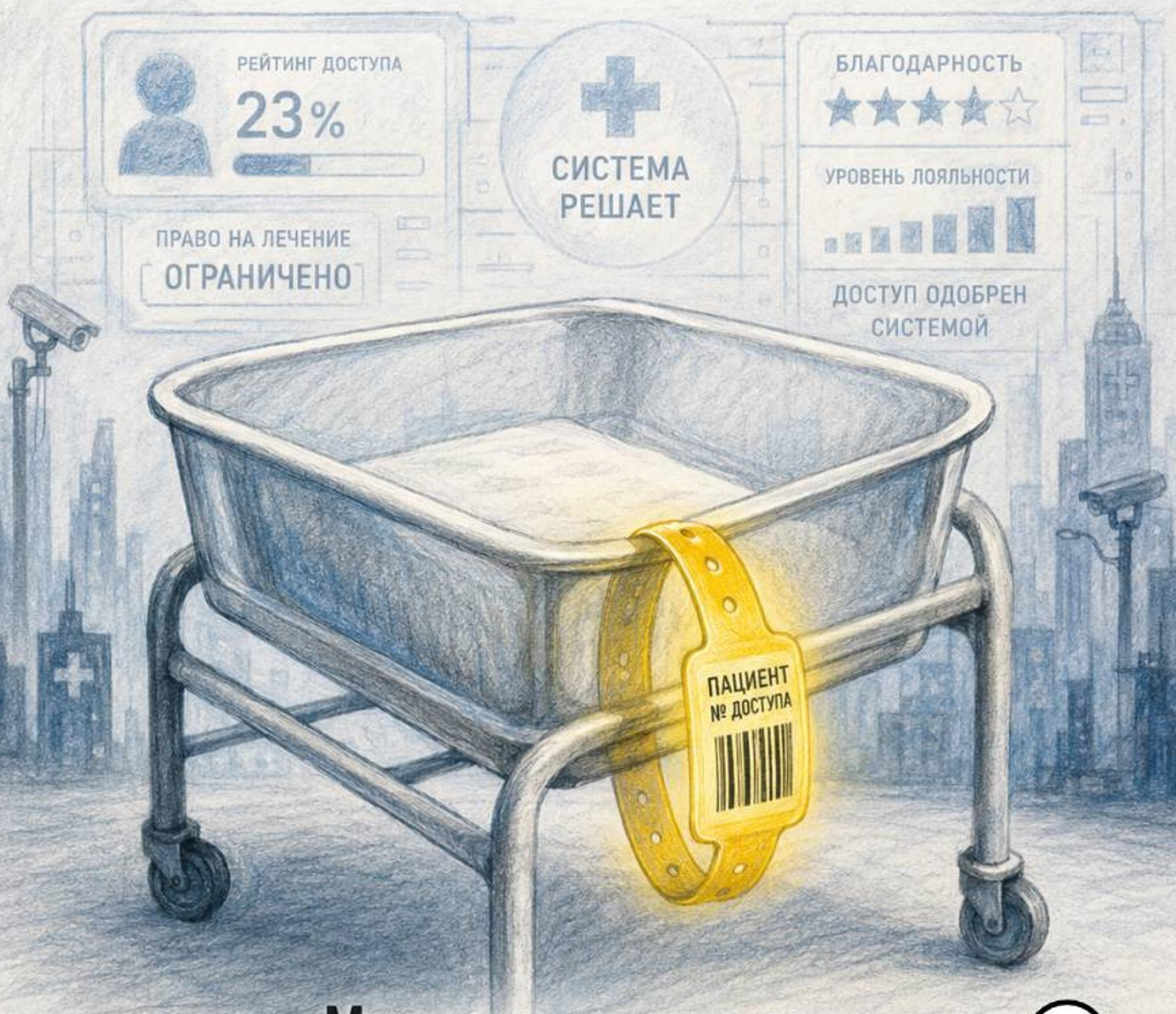

Виктор Алеветдинов

Колыбель

Республика Доступа

Социальная антиутопия о праве на жизнь

Мать просит лекарство
Система просит благодарность

18+

Республика Доступа

Виктор Алеветдинов

Колыбель

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Колыбель / В. Алеветдинов — «Автор», 2026 — (Республика Доступа)

В Республике Доступа у человека нет прав — есть доступ. Его можно пересчитать, заморозить, временно ограничить и вежливо назвать это заботой. Когда пятилетнему Киру отказывают в жизненно важной операции, система не говорит «нет». Она сообщает: лечение не подтвердило общественную окупаемость. Для его матери Ники это приговор. Для её брата Артёма, аналитика Службы Гармонии, — первый сбой в мире, которому он служил. Чтобы спасти ребёнка, Артёму придётся вскрыть закрытый проект «Колыбель» и узнать, что детей в Республике оценивают ещё до рождения: по долгам семьи, полезности, рискам и будущей покорности. «Колыбель» — первая книга цикла «Республика Доступа»: антиутопического технотриллера о стране, где насилие говорит языком заботы, а каждый роман становится отдельным делом против Индекса — системы, заменившей право на жизнь, труд, знание, голос и будущее условным допуском.

Содержание

Глава 1. Родственный риск	5
Глава 2. Очередь общественного возврата	10
Глава 3. Больница говорит цифрами	16
Глава 4. Проверка без права смотреть	22
Глава 5. Апелляция как признание вины	28
Глава 6. Человек, который помнит Миру	34
Глава 7. Дом, где лекарства говорят шёпотом	39
Глава 8. Условная ночь	45
Глава 9. Служебный иммунитет снят	50
Глава 10. Нижние Сектора	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Виктор Алеветдинов

Колыбель

Глава 1. Родственный риск

Артём Соль любил первые полчаса смены. В это время город ещё не успевал окончательно рассердиться, а Служба Гармонии знала, где он начнёт. На большой стене Порог светился мягкими пятнами: жёлтое — очереди у медицинских терминалов, серое — задержки транспорта, красное — трудовые споры. Люди там, внизу, волновались, ругались, заболели и писали жалобы. Здесь всё это становилось диаграммами.

Артём работал старшим аналитиком в отделе ранних всплесков. Название звучало так, будто они занимались погодой, только вместо дождя предсказывали скандалы. Система собирала обращения, медицинские задержки, долги, школьные отказы и ссоры в очередях. Потом Индекс выводил вероятность: где человек устал, а где устал настолько, что может стать проблемой. Республика называла это заботой. Артём называл это работой.

На панели открылся свежий кластер: Нижний двенадцатый сектор, сто двадцать семь обращений по жилищному вопросу, один коллективный отказ от благодарственной анкеты. Последнее было тревожнее плесени. Отказ от анкеты считался началом философии.

— Двенадцатый кипит, — сказала Леда с соседнего места. — Им опять пообещали быстрый ответ.

— Ответ быстрый, — сказал Артём. — Людям не нравится, когда быстрый ответ означает «нет».

— Странные люди. Им бы ещё захотеть, чтобы окно доступа было окном, а не картинкой окна.

Артём пролистал обращения. Мужчина приложил фотографию троих детей возле мокрой стены и написал: «Может, Индекс хотя бы их пожалеет». Система отметила вложение как эмоциональное давление. Артём снял отметку и поставил другую: «семейный фактор повышенной срочности». Квартиру это семье не давало, зато убирало из дела слово «давление». Маленькая победа, размером с запятую.

Кофейный автомат выдал ему стакан и сообщение: «Ваш уровень кофеина соответствует рекомендованной рабочей тревожности». Республика следила даже за тревожностью. Не запрещала, нет. Помогала держать её в приличных рамках.

— Опять правишь формулировки? — спросила Леда.

— Там дети на фото.

— Дети есть у всех, кто хочет пройти без очереди.

— И у тех, кто не хочет жить с грибком на стене.

В семь сорок три общая стена мигнула белым. Не красным, не аварийным. Белым. Служба любила белый цвет для сообщений, после которых у людей холодели пальцы.

«Обновление родственной связности. Просим сохранять рабочее спокойствие».

— Кому повезло? — спросил кто-то из второго ряда.

— Всем, — ответила Леда. — Родня — это не семья, а несертифицированная сеть угроз.

Артём хотел усмехнуться, но его личная панель дрогнула. Значок доверия из синего стал жёлтым. На экране появилось уведомление:

«Выявлена актуальная родственная связность с гражданкой Ника Соль. Статус гражданки: условно-ожидающий. Сектор: Медицинское Кольцо. В связи с потенциальным конфликтом интересов ваш служебный допуск временно скорректирован».

Он прочитал дважды. Ника. Младшая сестра. Они не разговаривали три недели, а до этого два месяца. Не из-за большой ссоры, а из-за мелких, которые годами копятся в углах. Она считала, что он служит машине, которая умеет улыбаться.

Артём открыл подробности. Половина полей затемнилась.

«Коррекция допуска: минус один уровень по медицинским веткам, связанным с родственными обращениями. Минус два уровня по семейным прогнозам. Благодарим вас за добровольное снижение личного комфорта ради прозрачности».

— Добровольное, — сказал Артём. — Приятно, когда тебя толкнули, а потом похвалили за красивый шаг.

Леда наклонилась к его экрану. Увидела фамилию и перестала улыбаться.

— Ника — сестра?

— Да.

— Что случилось?

— Система считает, что мне это вредно знать.

Он вызвал семейный профиль. Панель открыла карточку нехотя, как дверь соседу с плохими новостями. Ника Соль, тридцать один год, Средний Контур, нерегулярная занятость, задолженность умеренная. Ниже — ребёнок: Кир Соль, пять лет. Медицинский статус: условно-ожидающий.

У Артёма похолодело под рёбрами. Условно-ожидающий не был приговором. Это означало: тебя ещё не списали, но попросили не мешать расчёту.

Он нажал вызов. Система предложила три канала: официальный, семейный и наблюдаемый семейный. Семейный был недоступен. Наблюдаемый светился дружелюбно. Республика дружелюбнее всего светила там, где собиралась подслушивать.

Связь открылась с больничным шумом: вентиляция, далёкий детский плач, голос терминала, желающий кому-то «спокойного участия в ожидании». Потом появилось лицо Ники. Она выглядела так, как выглядят люди после ночи в больнице: не старше, а меньше. Волосы собраны криво, под глазами тени, на плече детская кофта с зелёным зверем.

— Быстро, — сказала Ника. — Я думала, система сначала уточнит, насколько мы родственники духовно.

— Она уже уточнила, и сама обиделась.

— Удобно. Скоро будет жить за нас, если получит лицензию на дыхание.

— Что с Киром?

Ника отвела взгляд. Камера качнулась и показала белую стену, прозрачную перегородку, маленькую руку на одеяле. На запястье мигал жёлтый браслет.

— Нужна операция. Сначала говорили плановая. Потом сложная. Потом оказалось, что сложная — это ещё не страшно. Страшно, когда она социально не подтверждена.

— Диагноз?

— Артём, я мать, не справочник. Сердце, сосуды, гибридная коррекция. Перед операцией нужен препарат. Без него риск высокий.

— Название?

— Сиректа-девять.

Артём открыл медицинский поиск. Система дала только общую строку: стабилизация перед сложным сосудисто-сердечным вмешательством, ограниченный ресурс, распределение по прогнозу эффективности. Он запросил условия доступа, но экран мягко закрыл поле.

«Ваш интерес связан с родственным риском. Просмотр ограничен для защиты чистоты решения».

— Чистоты, — сказал он. — Конечно. Грязными у нас бывают только люди.

— Что?

— Ничего. С кем ты говорила? С хирургом?

Ника коротко засмеялась. Смех был сухой, больничный.

— Со мной говорили все, кроме хирурга. Регистратор, администратор и консультант по спокойному ожиданию. Одна женщина сказала, что отказ можно пережить безопасно, если правильно подобрать слова. Я спросила, можно ли правильно подобрать слова к кирпичу, который падает на голову. Она записала меня как напряжённую.

— Операцию отменили?

— Не подтвердили. Это важная разница. Отмена звучит грубо, а неподтверждение почти как погода. Облачно, местами смерть, но без паники.

Сзади послышался кашель. Ника повернулась, и Артём увидел Кира. Мальчик лежал на высокой кровати, укрытый до груди. Маленький, бледный, с серьёзным лбом.

— Мам, — сказал он, — кисель опять смотрит.

— Не смотри в ответ, — сказала Ника другим голосом. — Больничный кисель питается вниманием.

— Это дядя Артём?

— Да.

— Тот, который не приходил сто лет?

— Он самый. Только скажи вежливо, вдруг он ещё пригодится.

Кир повернул голову к экрану.

— Привет, — сказал Артём.

— Ты не приходил сто лет, — сообщил Кир. — Но я вежливо.

— Справедливо. Я был занят.

— Все взрослые так говорят, когда не знают, что сказать.

На экране всплыла плашка: «Эмоционально насыщенные разговоры могут влиять на устойчивость пациента и опекуна». Ниже кнопка: «Сделать беседу спокойнее». Артём впервые за утро захотел нажать на государственный интерфейс кулаком.

— Ника, слушай. Я попробую открыть дело через служебный канал. Если это обычная задержка, найду, где она застряла.

— А если не обычная?

Он посмотрел на затемнённые поля. Иногда отказ рождался из мелочей: доход, жильё, долги, прогноз ухода, полезность опекуна. Всё вместе складывалось в красивую фразу «ресурсное окно не подтверждено».

— Тогда найду, кто сделал её необычной.

Ника молчала. В этом молчании было много старого: мать, умершая в очереди на перерасчёт лечения; Артём, ушедший в Службу; Ника, сказавшая тогда, что понимать волка изнутри — плохая карьера для овцы.

— Не начинай как чиновник, — сказала она. — Мне сейчас не нужен человек, который объяснит, почему всё сложно. У меня сложность лежит под одеялом и спорит с киселём.

— Я понял.

— Нет. Ты услышал. Поймёшь, когда что-нибудь сделаешь.

Связь завершилась деликатно. Система написала: «Семейный контакт закрыт для снижения эмоциональной перегрузки». Потом предложила оценить качество заботы. Артём поставил одну звезду. Система поблагодарила за обратную связь и предложила курс позитивного принятия ограничений.

— Не лезь туда прямо, — сказала Леда.

— Я не полезу. Я аккуратно посмотрю.

— Это одно и то же. Первое слово честнее.

Артём открывал служебный шлюз. Он ввёл номер Кира. Отказ. Через профиль Ники — отказ. Через кластер Медицинского Кольца — половина полей закрыта. Через прогноз соци-

ального раздражения доступ открылся. Забавно: жизнь ребёнка смотреть нельзя, а вероятность скандала вокруг этой жизни — пожалуйста, работайте.

На экране появилась цепочка: первичный диагноз, подтверждение операции, запрос Сиректы-9, пересчёт, заморозка, мягкая коммуникация. Цепочка летела быстрее обычной больничной волокиты. Здесь кто-то работал чисто.

Артём открыл вторичный прогноз. Экран мигнул.

«Просмотр ограничен. Уровень допуска недостаточен».

Он ввёл ключ старшего аналитика. Система дала три строки и тут же начала их затемнять.

Артём успел увидеть обрывки:

«...не медицинский приоритет...»

«...контрольный пациент...»

«...общественная переносимость...»

Потом всё исчезло. Осталась серая плашка: «Данные защищены контуром демографической устойчивости».

Леда тихо выругалась.

— Что ты увидел?

Артём смотрел на место, где была строка «контрольный пациент». Эти слова не подходили к Киру. К Киру подходили больничный кисель, зелёный зверь на кофте, обида на дядю, который не приходил сто лет. «Контрольный пациент» подходил к таблице, где смерть заранее имеет графу для комментария.

— Там не просто отказ.

— Ты уверен?

— Нет. Система очень старается, чтобы я не был уверен.

Он попытался сохранить снимок. Файл не создался. Попытался отправить себе заметку. Пусто. Принтер, старый трус с мигающим глазком, написал: «Печать материалов с родственным конфликтом интересов ограничена. Забота о вашей объективности важна для нас».

— Даже принтер стал моральным, — сказал Артём.

— Закрывай ветку, — сказала Леда. — Пока это выглядит как ошибка, а не как намерение.

— А ребёнок пока выглядит как коэффициент, а не как ребёнок.

Она посмотрела на него устало и зло.

— Думаешь, у остальных здесь нет семей? У меня отец три года ждал протез. Я каждый день видела его дело и не открывала. Если бы открыла, его сняли бы совсем. Система не любит, когда мы доказываем, что мы люди.

— И это нормально?

— Нет. Это работа.

Раньше эта фраза помогала. Это работа. Не ты отказал, а расчёт. Не ты задержал, а контур. Не ты закрыл дверь, а доступ не подтвердился. Ты держишь город от хаоса.

На панели появилось новое сообщение:

«В связи с повторным нарушением нейтральности вам временно недоступны ветки: медицинская демография, семейные прогнозы, детская устойчивость. Для восстановления доверия пройдите проверку рабочей отстранённости».

Ниже была кнопка: «Я принимаю заботу». Второй кнопки не было.

— Они закрыли детскую устойчивость, — сказал Артём.

— Значит, там что-то есть.

— Спасибо, очень успокаивает.

Он зашёл не в дело Кира, а в протокол, который его закрыл. На миг мелькнула метка: демография, раннее распределение, проектный доступ. Артём ввёл обрывок кода, который успел заметить перед блокировкой.

Панель потемнела. Потом появилось белое окно без кнопок.

«Запрос относится к ограниченному проекту. Ваш текущий уровень допуска не позволяет установить, существует ли данный проект».

Артём тихо рассмеялся.

— Хорошо. Нельзя узнать даже то, что тебе нельзя узнать.

— Артём, закрывай.

Он не закрыл. Белое окно дрожало. Внизу, под слоем защиты, на долю секунды проступила строка, как имя на запотевшем стекле.

«КОЛЫБЕЛЬ / контрольная ветка / пациент К. Соль».

Потом экран погас. Не только рабочая панель — весь стол ушёл в блокировку. Над столешницей вспыхнуло сообщение:

«Рабочее место очищается от личной вовлечённости. Пожалуйста, отойдите на расстояние двух шагов. Это поможет вам сохранить доверие».

В зале стало тише. Не совсем тихо — Служба не умела молчать, но люди начали смотреть быстро и украдкой.

Леда почти без движения губ сказала:

— Не говори ничего здесь.

Артём кивнул и отступил. Стол замер, довольный собой. На общей стене Порог продолжал светиться жёлтым, красным и серым. Чужие беды были диаграммами, но Артём знал, как быстро диаграмма умеет взять телефон, позвонить голосом сестры и сказать: «Это твой мир. Объясни, как просить и не стать виноватой».

В кармане завибрировал личный браслет. На маленьком экране горела новая строка:

«Родственный риск подтверждён. Дальнейшие действия будут учтены».

Ниже, там, где обычно появлялись советы про сон, шаги и вред позднего кофе, стояло короткое примечание. Артём прочитал его раз и не смог отвести взгляд.

«Колыбель. Контрольная ветка».

Глава 2. Очередь общественного возврата

Больничный сектор Порога пах чистотой так настойчиво, что Нике хотелось открыть окно и впустить хоть что-нибудь живое: пыль, мокрый асфальт, даже запах дешёвой лапши из автомата. Но окон здесь не было. Всё дышало через фильтры и улыбалось с экранов, будто люди пришли не лечиться, а сдать тревогу в гардероб.

Кир сидел у неё на коленях, хотя для пятилетнего мальчика это считалось ударом по репутации. Он терпел, потому что устал. Ника чувствовала его спину через больничную кофту: горячую после каждого кашля. На запястье у него мигал зелёный браслет. Ника смотрела на этот цвет так внимательно, будто могла удержать его силой взгляда.

Очередь была устроена красиво. Пациентов не ставили друг за другом, чтобы никто не видел, кто дошёл быстрее, а кто исчез. Их рассаживали по цветовым кругам: голубой — наблюдение, зелёный — подготовка, жёлтый — уточнение доступа, серый — сопровождение решения. Красного круга не было. Красный прямо намекал на кровь.

— Мам, мы в каком цвете? — спросил Кир.

— В зелёном.

— Это хорошо?

— Это значит, что нас пока не посадили в цвет тухлого супа.

Кир подумал и кивнул. Детям иногда легче было сказать правду через суп, чем через статус. Ника поправила ему одеяло. На бирке было написано: «Согревает ожидание». Она решила, что человек, придумавший это, явно никогда не ждал с больным ребёнком.

Над кругами плавали номера. Они не двигались по порядку. Очередь была умной: пересчитывала возраст, срочность, прогноз, стоимость лечения и ещё тысячу вещей, которые назывались заботой, пока не касались твоего ребёнка.

— Соль Кир, — сказал потолок приятным голосом. — Подтвердите присутствие пациента.

Ника подняла руку к терминалу. Экран показал лицо женщины без возраста и усталости.

— Добро пожаловать в Медицинское Кольцо, гражданка Соль. Ваше ожидание важно для баланса помощи.

— Моё ожидание в восторге. Оно давно мечтало стать важным.

— Приложите браслет пациента.

Ника взяла руку Кира. Браслет пискнул. На экране появились строки: «Гибридная коррекция сосудисто-сердечного дефекта. Предварительная стабилизация: Сирвекта-9. Статус: ожидает подтверждения ресурсного окна».

— Где хирург? — спросила Ника.

— На данном этапе прямой контакт с хирургическим специалистом не повышает точность ожидания.

— Зато может повысить моё желание не кричать на стену.

— Ваш запрос понятен.

— Правда? Тогда выполните.

Терминал потемнел, как человек, который закончил разговор первым.

— Вас пригласят к регистратору медицинского доступа.

— Регистратор — это врач?

— Регистратор помогает семье понять траекторию помощи.

— То есть нет.

Кир тихо засмеялся, но закашлялся. Ника прижала его к себе, и внутри всё сжалось в маленький злой комок. После рождения Кира она стала специалистом по страху: температура, пустой холодильник, задержка зарплаты, кашель, не похожий на вчерашний. Но сегодняшний

страх сидел снаружи — в стенах, терминалах и браслете, который мог поменять цвет без её разрешения.

Регистратор сидела за низкой стойкой без стекла. Над столом висела надпись: «Решение легче, когда оно объяснено». Ника села напротив, усадила Кира рядом и поставила сумку так, чтобы достать воду, салфетки и игрушечный грузовик без заднего колеса.

— Гражданка Соль, — сказала регистратор. — Вы уже ознакомлены с предварительным статусом.

— Я ознакомлена с тем, что мой сын сидит в очереди, а операция куда-то спряталась. Хотелось бы ознакомиться с тем, где она.

— Операция не спряталась. Окно хирургической коррекции проходит общественно-ресурсное подтверждение.

— Переведите на язык, где есть глаголы.

Регистратор моргнула.

— Препарат Сирвекта-9 ограничен. Система учитывает срочность случая и долгосрочный прогноз общественного возврата.

Ника сначала решила, что ослышалась. Слова прозвучали тихо, прилично. Будто ей сообщили не о ребёнке, а о холодильнике по программе замены.

— Возврата? Вы сейчас про Кира?

— Про результат лечения в общественной системе. Это стандартная формулировка.

— Моему сыну пять лет. Его главный общественный возврат — не мазать кашу на стол. Кир обиженно повернулся к ней.

— Я уже не мажу.

— Ты вчера накормил кашей грузовик.

— У него тяжёлая работа.

Регистратор посмотрела на Кира, и на секунду её лицо стало человеческим. Потом она опустила глаза к панели.

— Прогноз учитывает медицинский риск, семейную устойчивость и способность опекуна обеспечить восстановление.

Ника кивнула, будто это можно было принять.

— То есть он больной, я бедная, и поэтому вы думаете, стоит ли он лекарства.

— Система не оценивает человека как «стоит» или «не стоит». Она распределяет ограниченные возможности.

— Очень рада, что слово «стоит» вам не нравится. А то я уже испугалась, что мы на рынке, где детей взвешивают с чеком.

Регистратор сжала губы.

— Я вижу, что вам тяжело.

— Великое открытие. Запишите в историю болезни.

— В историю болезни записываются медицинские показатели.

— Тогда позовите того, кто их читает.

— Хирургическое окно будет пересчитано после уточнения семейного индекса.

Ника посмотрела на Кира. Он делал вид, что занят грузовиком, но слушал каждое слово. Дети всегда слушали, когда взрослые думали, что говорят достаточно непонятно.

— Кир, съезди грузовиком до моей сумки и проверь, не сбежало ли печенье.

— Оно не может сбежать. У него ног нет.

— Значит, поймать будет легче.

Кир нехотя сполз со стула. Ника дождалась, пока он отойдёт, и наклонилась к регистратору.

— Скажите прямо. У него есть показания к операции?

Регистратор посмотрела в панель.

- Медицинские показания зафиксированы.
- Операция нужна?
- Решение проходит подтверждение.
- Я не спрашиваю про решение. Я спрашиваю, нужна ли операция.
- Я не уполномочена давать клиническую оценку.
- Но уполномочены говорить мне про возврат от моего ребёнка.

Регистратор покраснела. Ника пожалела её. За стойкой сидел не терминал, а девушка, которую научили говорить так, чтобы плохие вещи проходили через рот без следов.

— Если вы подадите апелляцию до пересчёта, — сказала регистратор тише, — это может ухудшить эмоциональный профиль опекуна. Лучше дождаться полного уведомления.

- Полного отказа?
- Полного уведомления.
- В Республике даже отказу выдали праздничный костюм.

На соседнем голубом круге женщина с мальчиком на руках тихо всхлипнула. Она отвернулась, но терминал над её креслом сменил подсветку. К ней направилась сотрудница в светлом жилете. Не врач. Поддержка ожидания. В Кольце плач не оставляли без внимания. Его оформляли.

Когда Ника вернулась в зелёный круг, Кир нашёл печенье и попытался разделить его с грузовиком.

- Он не ест, — сказала Ника.
 - Он понарошку.
 - Тогда пусть понарошку худеет. Нам самим мало.
- Кир откусил крошечный кусок и прижался к ней боком.
- Мам, операция будет сегодня?
 - Они думают.
 - Долго?
 - Они государственные. У них думалка с очередью.
 - А если они плохо подумают?

Улыбка держалась на одной нитке.

— Тогда мы им поможем. У меня богатый опыт объяснять людям очевидное.

К ним подседа та самая женщина из голубого круга. Мальчика она держала так крепко, будто его могут пересчитать прямо из рук.

- Не плачьте при них, — сказала женщина почти шёпотом.
- Простите?

— Не плачьте. И не спорьте громко. Они это пишут в эмоциональную предсказуемость опекуна. Потом скажут, что восстановление дома рискованное.

— Вы серьёзно?

Женщина криво улыбнулась.

— Я тут второй раз. В первый думала, что больница — место, где смотрят на анализы. Оказалось, на мать смотрят не меньше. Если дрожит — среда нестабильна. Если не дрожит — недостаточная привязанность. Идеальная мать у них умерла до приёма и не мешает процедурам.

Ника тихо хмыкнула.

- Удобная женщина. Не спорит, не плачет, не просит врача.
- И не портит статистику.

Кир поднял голову.

- Мам, ты плакала?
- Нет. Я проверяла, работает ли лицо.
- Работает?

— Местами.

Женщина посмотрела на него и смягчилась.

— Как зовут?

— Кир.

— Лана. А это мой Мишка. Он спит, потому что у него умнее всех расписание.

— Вам что сказали? — спросила Ника.

— Мы пока в голубом. Голубой — это когда все улыбаются и никто ничего не обещает.

А вам?

— Мы зелёные.

Лана посмотрела на браслет Кира.

— Тогда держитесь за зелёный. Жёлтый — гадкий цвет. Делает вид, что он солнце.

Ника хотела ответить, но над их кругом вспыхнул сигнал. Зелёный свет вокруг кресел будто разбавили водой. Браслет Кира пискнул один раз. Цвет сменился на жёлтый.

— Это плохо? — спросил Кир.

— Это некрасиво. А всё некрасивое мы потом обжалуем.

Над ними появился текст: «Медицинский доступ пациента переведён в условно-ожидательный. Семье рекомендовано сохранять конструктивное спокойствие».

Лана выдохнула сквозь зубы.

— Не бегите сразу к стойке. Они это любят. Сначала прочитайте, что именно написали.

— Я уже прочитала. Они написали, что мой ребёнок стал условием.

— Вот именно. Теперь каждое ваше движение — тоже условие.

Ника не встала сразу. Она посадила Кира на кресло, дала ему грузовик, поправила одеяло. Руки слушались плохо, но слушались. Она подошла к стойке без спешки. Смешно: в больнице, где у ребёнка менялся доступ, мать должна была двигаться так, будто выбирает йогурт.

— У нас сменился статус, — сказала она регистратору.

— Да, гражданка Соль. Решение перешло в уточняющую фазу.

— Что это значит для операции?

— Операционное окно временно не подтверждено.

— Вы повторяете одно и то же другими словами. Это у вас разминка?

— Я понимаю ваше беспокойство.

— Нет. Вы его регистрируете. Это разные виды спорта.

Регистратор опустила голос:

— Вам будет выдана распечатка с объяснением.

— Мне нужен врач.

— Подождите у бокового коридора. Я поставлю вам технический вопрос. Тогда к вам подойдёт интерн.

— Спасибо.

— Я ничего не обещала.

— Здесь это уже почти благословение.

Боковой коридор был не таким красивым: свет холоднее, стены проще, пол не блестел так отчаянно. Ника вернулась за Киrom и повела его медленно, чтобы он не устал. Лана кивнула ей на прощание. Она передала не надежду, а инструкцию по выживанию.

Врач-интерн появился через семь минут. Молодой, худой, с недосыпом под глазами. Планшет он держал как щит.

— Соль Кир?

— Да. А вы врач или ещё траектория помощи?

Он устало улыбнулся.

— Ординатор Савельев.

— Ника Соль. Это Кир. Кир не любит кисель, но готов рассмотреть переговоры, если кисель извинится.

Кир поднял глаза.

— Я не готов.

— Видите, доктор, пациент настроен жёстко.

Савельев присел перед Киром, не над ним, а рядом. Ника это заметила.

— Можно послушать?

Кир посмотрел на Нику. Она кивнула. Савельев приложил датчик к груди, потом к боку и посмотрел на экран. Его лицо стало спокойнее, чем надо. Ника знала: когда врачи так смотрят в цифры, хорошего там мало.

— У него есть показания к операции? — спросила она.

Савельев не ответил. Коридор был пуст, но камеры смотрели из углов.

— Медицинские показания есть.

— Значит, операция нужна.

— Да.

Слово было короткое, обычное. Ника пошатнулась от облегчения и злости одновременно.

— Тогда почему его перевели в условно-ожидающий?

Савельев посмотрел на жёлтый браслет.

— Потому что подтверждение препарата и окна идёт не по медицинской линии.

— А по какой?

— Я не могу это комментировать.

— Доктор, у меня сегодня коллекция людей, которые не могут. Вы хотя бы скажите, кто может.

Он наклонился ближе, будто поправлял крепление датчика. Голос стал почти неслышным.

— Показания чистые. Отказ не медицинский. Не подавайте резкую апелляцию отсюда. Сначала найдите человека, который умеет читать закрытые ветки.

У Ники пересохло во рту.

— Почему вы мне это говорите?

— Потому что у него есть время, но его меньше, чем пишет очередь.

Браслет Кира внезапно мигнул частым жёлтым. Савельев отстранился. На стене проснулась плашка: «Нерегламентированное клиническое взаимодействие. Просим специалиста соблюдать маршрут коммуникации».

Лицо врача закрылось. Не стало чужим, но стало рабочим.

— Семье будет выдано официальное объяснение статуса, — громко сказал он. — Рекомендуется сохранять спокойствие.

— Спасибо за то, что ничего не объяснили. Очень в стиле учреждения.

— Ваш запрос понятен, — сказал Савельев.

И в этих трёх словах Ника услышала предупреждение: молчите, нас слушают.

Он ушёл быстро. Через минуту к Нике подъехал маленький печатный модуль. Бумагу в Кольце выдавали редко: её нельзя обновить задним числом. Ника поняла, что документ не для неё. Бумага нужна была, чтобы потом сказать: семья уведомлена.

Она взяла лист. Кир потянулся посмотреть, но Ника подняла бумагу выше.

— Там скучно.

— Насколько?

— Настолько, что даже грузовик уснёт.

Кир поверил не полностью, но спорить устал. Ника пробежала глазами строки: «ресурсное окно», «семейная устойчивость», «прогноз сопровождения», «конструктивное ожидание». Всё это было ожидаемо. Уютно в своей мерзости.

А потом она увидела нижний абзац, напечатанный мелко, будто сама бумага стыдилась.

«При текущем статусе пациента социальный эффект неблагоприятного исхода признан управляемым. Смерть пациента не прогнозируется как фактор значимого общественного возмущения при условии корректной коммуникационной упаковки».

Ника прочитала это один раз. Потом второй. Буквы не изменились. Мир тоже не изменился: свет горел, пол блестел, терминалы улыбались, где-то ребёнок просил воды, а государство только что сообщило ей, что смерть её сына можно аккуратно упаковать.

Кир дёрнул её за рукав.

— Мам, что там?

Ника сложила лист пополам. Ровно. Потом ещё раз. Руки уже не дрожали. Для эмоциональной предсказуемости плохо, зато помогало не упасть.

— Там написано, — сказала она, — что у нас впереди самый скучный аттракцион для терпеливых детей.

— А приз?

Ника посмотрела на жёлтый браслет, на коридор, куда ушёл интерн, и на терминал, готовивший модуль спокойствия. Потом убрала распечатку в сумку, рядом с печеньем и грузовиком без колеса.

— Приз, — сказала она, — самая скучная операция на свете. И мы её заберём.

Глава 3. Больница говорит цифрами

Артём появился в больничном секторе Порога через сорок минут после звонка. Транспорт уверял, что нормальный гражданин за это время успевает только принять маршрут и смириться. Он вышел из скоростного коридора в сером служебном костюме и с лицом человека, который лично спорил с каждым турникетом.

Ника увидела брата и разозлилась. Не потому, что он пришёл. Потому что пришёл вот так: прямой, быстрый, с взглядом человека, привыкшего к дверям, которые открываются. Она сидела рядом с Киром в жёлтом круге ожидания. Над ними светила надпись: «Ваше терпение помогает системе».

— Мам, это дядя Артём? — спросил Кир.

— Похоже. Сейчас проверим, не подсунули ли нам обновлённую версию.

Артём подошёл и посмотрел на браслет Кира. У него дёрнулась скула. Для Артёма это было истерикой.

— Привет, — сказал он.

— Ты опять занят?

— Уже нет.

— Хорошо. А то кисель опять следит.

— Разберусь и с киселём.

— Сначала с врачами, — сказала Ника. — Кисель хотя бы честно мерзкий.

Над креслом мигнула плашка: «Гостевой контакт не подтверждён. Родственникам рекомендуется пройти идентификацию». Артём посмотрел на терминал с вежливой ненавистью.

— Где стойка допуска?

— Там. Только не начинай служебным голосом.

— Каким?

— От которого чайник сам пишет объяснительную.

За стойкой сидел мужчина с причёской, где каждый волос явно прошёл согласование. На бейдже: «Валент Ро. Координатор доступа».

— Гражданин Соль, ваш служебный статус ограничен по родственной ветке.

— Я здесь как родственник пациента.

— Тогда вам требуется гостевой медицинский доступ.

— Оформите.

— Нужно подтверждение опекуна.

Ника подняла руку.

— Подтверждаю. Вот он. Родственник. Не самый удобный, но другого не выдали.

Координатор улыбнулся.

— Гостевой доступ активен на сорок минут. Уровень: наблюдательный. Право клинического запроса отсутствует. Право эмоционального сопровождения ограничено.

— Что значит ограничено? — спросила Ника.

— Рекомендуется избегать давления на пациента и персонал.

— А если персонал давит на нас?

— Персонал оказывает помощь в пределах протокола.

— Конечно. У нас и кирпич, если падает на голову, помогает в пределах гравитации.

Артём бросил на неё быстрый взгляд: не сейчас. Ника ответила таким же: очень даже сейчас, я тут с утра тренируюсь.

— Нам нужен хирург, — сказал Артём.

— Вам назначен специалист коммуникационного сопровождения.

— Пациенту требуется препарат перед операцией. Я хочу услышать клиническую оценку.

— Клиническая оценка недоступна до завершения общественно-ресурсного пересчёта. Артём стал холоднее. Он разговаривал как человек системы, и это было неприятно даже тогда, когда он бил системой по системе.

— У пациента зафиксированы медицинские показания. Пересчёт не отменяет права семьи на разъяснение риска.

— Право семьи реализуется через информационную памятку.

— Памятку мы уже получили. Там смерть моего племянника названа управляемым эффектом. Очень содержательно.

Координатор моргнул не по расписанию.

— Документ мог быть неверно понят в состоянии тревоги.

— Документ был понят прекрасно. Это с документом беда.

Дверь открылась не сразу, но открылась. Их провели в консультативный кабинет. На двери не было фамилии, только номер и надпись: «Разговор снижает неопределённость». В кабинете их ждал хирург. Настоящий: усталый, с руками человека, который умеет делать что-то важнее презентаций. Его звали Дамир Сен. Он не улыбался без причины, и это Нике понравилось.

— Соль Кир? — спросил он.

— Это я. Но если вы про кисель, я не виноват.

— Про кисель потом. Сейчас послушаем сердце.

Он говорил, без сладкого детского тона. Кир позволил приложить датчики и даже глубоко вдохнул, когда попросили. Ника смотрела на экран, где бегали линии. Линии ничего ей не говорили, зато хирург молчал с настороженным вниманием. Артём стоял у стены. Гостевая карта на груди мигала.

— Ему нужна операция, — сказал хирург наконец. — Гибридная коррекция сосудистого дефекта. Риск есть, но без вмешательства он выше.

Ника сжала край стула.

— То есть операция нужна.

— Да.

Короткое «да» прозвучало грубо. И поэтому было самым добрым словом за день.

— А препарат? — спросил Артём.

— Сиректа-9 нужна перед вмешательством. У Кира нестабильная сосудистая реакция. Без препарата операция становится опасной до неприемлемого риска. Препарат снижает риск спазма и даёт рабочее окно.

— Сколько времени? — спросила Ника.

Хирург посмотрел не в планшет, а на неё.

— По телу ребёнка — не больше двух суток до резкого ухудшения. По системе у вас написано больше, но система не слышит, как он дышит ночью.

Артём повернулся к экрану.

— В деле стоит сорок восемь часов?

— В деле стоит прогнозное окно. Оно всегда вежливее тела.

Ника хотела спросить ещё, но дверь открылась без стука. Вошёл Валент Ро, а за ним женщина в белом жакете, стерильном до фальши даже для больницы. На бейдже: «Элина Вард. Административный куратор помощи».

Хирург не обрадовался.

— Консультация не завершена.

— Именно поэтому я здесь, — сказала куратор. — Семья должна получить полную картину, а не узкую клиническую тревогу.

— Клиническая тревога иногда называется медициной.

Элина улыбнулась так, как улыбаются люди, заранее простившие тебе неправильное поведение.

— Доктор Сен, доступ к Сирвекте-9 распределяется не только по хирургической срочности.

Ника подняла руку, как в школе.

— Можно я угадаю? По общественному возврату.

— Вы уже ознакомлены с базовой логикой.

— Я бы не называла это логикой. Скорее, гаданием на бедных родственниках.

— Понимаю вашу реакцию.

— Нет, не понимаете. Если бы понимали, вы бы так близко ко мне не стояли.

Артём шагнул вперёд.

— Назовите критерий отказа.

— Никто не говорил об отказе. Пациент переведён в условно-ожидаящий статус.

— Это отказ, который стесняется представиться.

В кабинете стало тихо. Хирург опустил глаза к планшету, будто прятал там злость. Элина раскрыла папку на экране.

— Сирвекта-9 относится к дефицитным стабилизаторам. Индекс учитывает вероятность успешного вмешательства, длительность восстановления, семейную устойчивость, прогноз сопровождения и потенциальную гражданскую отдачу пациента.

— Ему пять, — сказала Ника.

— Именно поэтому прогноз долгосрочный.

— У него долгосрочный прогноз — вырасти и перестать спорить с киселём. Хотя я не настаиваю, кисель сам виноват.

— Я всё равно буду спорить, — тихо сказал Кир.

— Видите, гражданская позиция уже есть.

Артём попытался вывести расчёт на свою гостевую карту, но половина полей тут же закрылась.

— Почему я не вижу расчёт?

— Гостевой доступ даёт право сопровождения, не анализа.

— Я пытаюсь понять, почему ребёнку не дают препарат.

— Его ресурсное окно не подтверждено.

— Это не причина. Это наклейка на причине.

Элина посмотрела на координатора. Тот коснулся браслета, и карта Артёма пискнула: «Эмоциональное давление: предупреждение».

Ника засмеялась коротко и неприятно.

— Быстро. Он только начал быть полезным, а вы уже его в хулиганы записали.

— Мы фиксируем не личность, а поведение.

— Удобно. Можно ударить человека дверью и назвать это динамикой входа.

Артём не улыбался.

— Доктор Сен, подтвердите при администраторе: операция показана, препарат необходим.

Хирург поднял глаза. Куратор смотрела спокойно, но в этом спокойствии было предупреждение.

— Операция показана, — сказал он. — Сирвекта-9 необходима для безопасного окна. Без стабилизации риск неприемлемый.

— Для кого неприемлемый? — спросила Элина. — Для хирурга, для семьи или для всей системы распределения?

— Для ребёнка.

— Ребёнок находится внутри системы распределения.

— Ребёнок находится на стуле.

Ника посмотрела на врача с благодарностью. После всех «окон» и «возвратов» это прозвучало как нормальный воздух.

— Республика обязана думать шире частного случая, — сказала Элина.

— Частный случай зовут Кир, — сказал Артём.

— Мы видим имя пациента.

— Нет. Вы видите строку.

Карта пискнула: «Повторное эмоциональное давление».

Кир нахмурился.

— Дядя Артём, ты давишь?

— Похоже, да.

— На взрослых?

— На взрослых.

— Тогда нормально. Они большие.

Ника взяла Кира за руку. Браслет был тёплый и жёлтый.

— Гражданка Соль, не усиливайте конфликт, — сказала Элина. — Агрессивная коммуникация родственников может ухудшить прогноз сопровождения пациента.

— То есть если мой брат спорит, лечить моего сына станет менее выгодно?

— Не менее выгодно. Менее устойчиво.

— Спасибо. Я всегда мечтала, чтобы мне объяснили шантаж через устойчивость.

Валент Ро шагнул ближе.

— Мы можем предложить семье пакет спокойного ожидания. В него входит консультация психолога, мягкое сопровождение решения и при необходимости помощь с последующей апелляцией.

— Последующей? — спросила Ника.

— В случае неблагоприятного исхода.

— Вы сейчас продаёте мне скидку на жалобу после смерти ребёнка?

— Ника, — тихо сказал Артём.

— Нет, подожди. Мне интересно. Там бонусы есть? Каждая третья утрата бесплатно? Или накопительные баллы на смирение?

Лицо Элины чуть треснуло. Значит, под инструкциями кто-то всё-таки сидел.

Кир потянул Нику за рукав.

— Мам, мы пойдём домой?

От вопроса у Ники перехватило дыхание. Домой. Будто браслет снимется у выхода, а сердце Кира решит поработать без претензий.

— Пока нет. Нам надо добиться самой скучной операции. После неё я разрешу тебе торжественно не есть больничный кисель.

Хирург посмотрел на экран и резко встал.

— Киру нужно вернуться в наблюдение. Сатурация просела после нагрузки.

— Какой нагрузки? — спросила Ника.

— Разговор тоже нагрузка.

Элина тут же сказала:

— Именно поэтому эмоциональная среда должна быть стабильной.

— Не начинайте, — сказал хирург.

Он сказал негромко, но так, что даже координатор замолчал. Киру поставили переносной датчик. Ника увидела цифры, которые не понимала, но боялась. Больница опять говорила цифрами. У неё был огромный словарь и ни одного слова, которое можно прижать к груди.

Санитарный модуль подъехал сам и предложил детское кресло. Кир согласился садиться только после обещания, что кресло не умнее его грузовика.

Они вышли из кабинета. Артём шёл рядом, а его гостевая карта светилась оранжевым.

— Что это? — спросила Ника.

— Предупреждение. За эмоциональное давление.

— Поздравляю. Ты стал родственником.

— Ника, я найду расчёт.

— Мне не расчёт нужен. Мне нужен препарат.

— Одно ведёт к другому.

— У тебя всё ведёт к расчёту. Даже совесть, наверное, по таблице приходит.

Он хотел ответить, но мимо проходили люди, и все смотрели мимо. В больнице быстро учились не задерживать взгляд на чужой беде: твоя заметит и тоже поднимет руку.

Кир в кресле поднял руку.

— Можно я скажу?

— Можно.

— Вы оба шумите. А кресло едет медленно, потому что ему неловко.

Санитарный модуль сообщил:

— Скорость выбрана с учётом комфорта пациента.

— Видишь, — сказал Кир. — Ему не неловко. Оно вредное.

Ника всё-таки засмеялась. Смех был короткий, но настоящий.

Когда они вернулись в жёлтый круг, над креслом Кира горело уведомление: «Опекун должен пройти уточнение эмоционального профиля». Координатор подошёл с планшетом.

— После консультации зафиксировано повышение конфликтности семейной среды. Это не санкция, а забота о качестве восстановления.

— Конечно. У вас санкции ходят в белом.

На планшете был новый статус. Ника увидела своё имя, жёлтый значок и строку: «Опекун: риск нелояльности. Рекомендовано ограничить прямые клинические контакты до стабилизации поведения».

— Вы закрываете мне разговор с хирургом?

— Не закрываем. Перенаправляем через административный канал.

— То есть закрываете.

Артём шагнул ближе.

— Опекун имеет право на медицинскую информацию.

Карта на его груди пискнула громче.

«Гостевой доступ пересмотрен. Оставшееся время: двенадцать минут. Уровень: сопровождение без вмешательства».

Ника поняла, как это работает. Система была не по Артёму, а через него.

Валент Ро протянул планшет.

— Подпись означает только ознакомление.

— У вас подписи всегда означают «только». Потом оказывается, что человек добровольно согласился на собственное исчезновение.

— Отказ от подписи будет отражён в профиле.

Ника взяла стилус. Кир смотрел снизу, из кресла. У него опять побледнели губы, и вся её красивая злость стала маленькой. Она подписала. Не потому, что согласилась. Потому что ей нужен был доступ к следующей минуте.

Планшет мигнул.

«Ознакомление подтверждено. Спасибо за конструктивное участие».

— Пожалуйста, — сказала Ника. — Всегда рада участвовать в собственном удушении.

Новое уведомление появилось на браслете Кира. Жёлтый свет стал глубже, янтарным.

«Статус пациента подлежит повторному пересчёту в связи с изменением семейного профиля».

Артём побледнел.

— Они прикрепили мой спор к твоему делу.

— Наш спор, — сказала Ника.

— Ника...

— Не начинай. Я тоже говорила.

— Я должен был молчать?

— Нет. Ты должен был прийти раньше.

Это было несправедливо. Она знала и всё равно сказала. Артём принял удар молча, потом достал маленькую служебную пластину и быстро что-то набрал.

— Что ты делаешь?

— Запрашиваю продление гостевого доступа.

— Тебе же ограничили вмешательство.

— Значит, буду сопровождать очень внимательно.

На его экране вспыхнула красная строка. Он убрал пластину.

— Не дали? — спросила она.

— Дали повод искать другой вход.

— Артём, мне сейчас не нужен подвиг. Мне нужно, чтобы ему сделали операцию и не наказали нас за то, что мы этого хотим.

Он посмотрел на Кира. Мальчик уже не слушал. Он устало прислонился к боковой подушке и держал грузовик на груди, как маленький металлический щит.

— Я понял, — сказал Артём.

— Ты опять услышал.

— Нет. В этот раз понял.

Над их кругом раздался мягкий голос:

— Семья пациента Соль Кир приглашается в зону спокойного ожидания. Просим сохранять доверие к маршруту помощи.

Кресло само развернулось к боковому проходу. Ника взялась за ручку, хотя модуль ехал без неё. Ей нужно было держать хоть что-то. Артём пошёл рядом. Его карта мигала оранжевым и считала последние минуты.

У входа Ника оглянулась. За стеклянной перегородкой стоял хирург Сен. Он смотрел на них, но подойти уже не мог. Между ними была прозрачная дверь, два администратора и вся заботливая Республика.

На стене загорелась новая строка, общая для всех троих:

«Опекун: риск нелояльности. Доступ ребёнка пересчитать».

Ника прочитала её без удивления. Удивление кончилось раньше. Остались Кир, янтарный свет браслета и понимание, что больница только что перестала лечить их как семью и начала оформлять как угрозу.

Глава 4. Проверка без права смотреть

Артём вернулся в Службу Гармонии не потому, что хотел. Все дороги, которые он знал, вели туда. В больничном секторе Порога его гостевой доступ сгорел раньше срока, Нике закрыли прямой разговор с хирургом, Киру поставили пересчёт. А над этой аккуратной бедой висела строка: «Опекун: риск нелояльности». Система умела делать семейные сцены.

На входе в башню турникет задержал его на три лишние секунды. Для обычного гражданина это было пустяком. Для сотрудника Гармонии — публичной пощёчиной с соблюдением санитарных норм.

— Добро пожаловать, гражданин Соль, — сказал турникет. — Ваш маршрут скорректирован с учётом родственной вовлечённости.

— Как мило. Ещё бы коврик постелили: «Осторожно, семья».

Турникет открылся с жалостливым видом. В зале ранних всплесков было шумно: трудовые задержки, школьные жалобы, медицинские очереди. Мир продолжал ломаться по расписанию. Никто не бросился к Артёму с вопросами. В Службе умели не замечать чужую беду, пока она не получила официальный номер.

Леда подняла глаза от панели.

— Живой?

— Формально.

— Сейчас это роскошь.

Он сел. Рабочий стол включился не сразу и показал предупреждение: «Ваша продуктивность может быть снижена из-за личной вовлечённости. Рекомендуем не принимать решений, способных усилить субъективное искажение».

— Они теперь будут мне настроение читать? — спросил Артём.

— Уже читают.

Савин из второго ряда повернулся вместе с креслом.

— Если надо закрыть пару твоих кластеров...

— Не надо.

— Я говорю. Семья — не ошибка, а несертифицированная сеть угроз. Это нам вчера прислали в памятке по этике. Я только добавил интонацию.

— Добавляй тише, — сказала Леда. — А то человеческое тепло опять станет дисциплинарным эпизодом.

Артём открыл служебную проверку. Не прямой запрос по делу Кира — этот путь был сожжён. Он зашёл через протокол рассинхронизации контуров. Если медицинская ветка говорила «операция показана», а социальная переводила ребёнка в условно-ожидающий, где-то должен был появиться конфликт данных. Такие конфликты система не любила. Они пачкали гладкую картину мира, как детские пальцы стекло.

Он создал задачу: «Анализ расхождения медицинского показания и социально-ресурсного статуса». В поле пациента не ввёл имя. Только код случая, вытасченный из больничной плашки. Система проглотила запрос и открыла стандартное окно. Значит, лаз ещё был.

Первый слой дался легко: операция показана, препарат Сирвекта-9 нужен, риск без стабилизации высокий, подпись хирурга Сена. Время: сорок четыре часа до критического ухудшения по клинической оценке. Артём сделал копию в служебный буфер. Копия не сохранилась, но он успел прочитать.

Второй слой открылся хуже. Социальный контур: семейная устойчивость снижена, опекун демонстрирует конфликтную коммуникацию, родственник оказывает эмоциональное давление. Последняя строка была его. Система прикрепила спор к делу Ники быстро, с удовольствием. Если бы у алгоритма были зубы, он бы сейчас улыбался.

- Что-то нашёл? — спросила Леда, не глядя.
- Нашёл себя. Неприятная встреча.
- Ты в деле?
- Теперь да. Как фактор риска.
- Поздравляю. Повышение без зарплаты.

Артём открыл ресурсный слой. Препарат не был полностью исчерпан. Запасы Сирвекты-9 числились ограниченными, но не нулевыми. Несколько доз держались в резерве «для демонстрационных и стратегически значимых случаев».

Он запросил правило распределения. Система выдала пустой экран и короткое сообщение: «Решение согласовано на уровне, превышающем ваш текущий доступ к знанию».

Артём перечитал. Обычно писали «данные недоступны». Эта фраза была из другого слоя. Не техническая. Политическая. Твой доступ к знанию ниже, чем чьё-то право решать.

- Леда, посмотри.

Она подъехала на кресле, прочитала и тихо присвистнула.

- Красиво. Прямо храмовая надпись: «Не всякий смертный достоин видеть таблицу».
- В медицинских отказах такое бывает?
- В обычных — нет. В попечительских — да.
- Попечительских?

— Если решение закрыто выше твоего права на знание, значит, его не просто принял начальник смены. Это контур Попечителя. Или кто-то очень хочет, чтобы так выглядело.

Он открыл лог согласования. Вместо таблицы появилось белое окно: «Проверка не может быть инициирована заинтересованным лицом». Ниже кнопка: «Передать вопрос нейтральному аналитику». Артём нажал. Система подумала и выдала: «Передача невозможна, так как запрос содержит признаки личного давления».

- Замкнули, — сказал он.

— Конечно. Ты просишь проверить, можно ли тебе проверять. Машина обожает такие игры. Всегда побеждает, потому что сама держит свисток.

Артём поднялся.

- Пойду к Вере Ильиничне.
- Она тебя съест.
- Возможно, подавится.

Наставница сидела двумя уровнями выше, в кабинете без лишней прозрачности. Вера Ильинична Таль учила молодых аналитиков главному правилу: цифра всегда врёт, если не знать, кто оплатил вопрос. За это её уважали, боялись и редко приглашали вести праздничные лекции.

Секретарь-бот у двери показал Артёму жёлтую рамку.

- Встреча не назначена. Тема визита?
- Родственная катастрофа средней тяжести.
- Выберите из списка.
- Служебная консультация.

Дверь открылась. Вера Ильинична стояла у окна и поливала растение, которое выглядело лучше половины сотрудников отдела.

- Соль, — сказала она. — Если ты пришёл с глупостью, делай её короткой.

— У меня племянник в условно-ожидающем статусе. Операция показана, препарат нужен, но ресурсное окно закрыто. Решение выше моего доступа.

- Это уже не коротко.

— Система признала меня заинтересованным лицом и заблокировала передачу нейтральному аналитику.

— Значит, ты не просто наступил в лужу. Ты прыгнул в неё с разбега и спросил, почему мокро.

Артём сел без приглашения. Вера Ильинична выключила полив и опустила жалюзи. Кабинет стал тише.

— Имя ребёнка?

— Кир. Пять лет.

— Ника?

— Да.

— Ты с ней всё ещё разговариваешь как сотрудник с гражданкой?

— Уже нет.

— Хорошо. Тогда есть шанс, что она тебя не убьёт раньше системы.

Артём устало выдохнул.

— Мне нужен нейтральный вход в проверку.

— Нет.

— Ребёнку нужна операция.

— Я слышала.

— Тогда почему нет?

Она села напротив и посмотрела на него без мягкости, но и без служебной пустоты.

— Потому что родственная апелляция делает тебя заинтересованным лицом. Любой вход через тебя ухудшит дело. Любая моя помощь через тебя тоже. Система не обязана быть умной, чтобы тебя поймать. Ей достаточно быть формальной.

— Это не апелляция.

— Для протокола — да. Ты родственник, ты пытался открыть медицинские ветки, ты спорил с администратором, твоё поведение уже прикреплено к профилю опекуна. Поздравляю, ты стал доказательством того, что семья эмоционально нестабильна.

— Я пытался помочь.

— Это любимая фраза людей, которые только что дали машине новый рычаг.

Артём отвернулся к окну. За жалюзи просвечивал Порог, а на рекламном экране улыбалась девочка с фразой: «Доступ начинается с доверия».

— В деле есть уровень Попечителя, — сказал он.

— Видела хуже.

— Вы можете посмотреть?

— Могу. Не буду.

— Почему?

— Если я посмотрю по твоей просьбе, это станет цепочкой заинтересованных лиц. А если посмотрю без просьбы, мне нужно настоящее основание. Не «мой ученик встревожен», а системное расхождение, которое угрожает контуру.

— Медицинское показание против социального отказа разве не расхождение?

— Это Республика, Артём. У нас половина порядка построена на том, что медицина говорит «надо», а доступ спрашивает «зачем».

Он сжал пальцы.

— Значит, ничего?

— Значит, не через служебную проверку. И не через прямой лог. Ты ищешь ошибку. А похоже, это не ошибка.

Слова легли тяжело. Артём и сам это знал, но от Веры Ильиничны оно прозвучало как печать.

— Там была строка «контрольный пациент».

Вера Ильинична впервые изменилась в лице. Чуть-чуть. Другой бы не заметил, но Артём у неё учился.

— Где?

— В закрытом слое. Мелькнула до блокировки.

— Ты сохранил?

— Нет.

— Конечно. Система у нас заботливая, но не дура.

Она встала и прошлась вдоль стола.

— С этого момента ты не ищешь Кира как племянника. Ты ищешь протокол, который мог задеть не только Кира. Иначе тебя закроют окончательно, а Нике пересчитают ребёнка ещё раз.

— Что мне делать?

— Найди старый след. Не дело Кира, не препарат, не больничную очередь. Протокол семейного риска, связанный с детскими ветками. Если там есть твой уровень допуска, система не сможет сразу доказать родственную цель.

— Старые отчёты?

— Именно. Ты писал много красивых вещей о семьях без защиты. Пора посмотреть, кто ими пользовался.

— Вы думаете, это связано со мной?

— Я думаю, ты достаточно давно работаешь здесь, чтобы твои руки были чистыми потому, что ты мыл их служебным мылом.

Он не обиделся. На правду трудно обижаться, когда она сказала «здравствуйте» и села напротив.

— Если я найду связь?

— Сначала думай, кому показать. Не мне с порога, не сестре в панике и точно не системе в виде новой проверки.

— Очень вдохновляюще.

— Я не вдохновляю. Я экономлю чужие похороны.

Когда Артём вышел, его рабочее место перестало притворяться дружелюбным. Напоминание о проверке отстранённости свернулось в угол и там продолжило морально светиться.

Леда посмотрела на него.

— Ну что, съела?

— Пожевала и отпустила.

— Значит, любит.

— Она сказала искать старые отчёты семейного риска.

Леда медленно откинулась на спинку кресла.

— Плохая идея.

— Ты любую мою идею сегодня так называешь.

— Потому что ты сегодня щедр на плохие идеи. Старые отчёты — это не архив. Это кладбище.

— Мне нужен протокол.

— Какой?

— Детские ветки. Семьи без защиты. Раннее распределение.

Леда перестала шутить.

— Артём, ты уверен, что хочешь узнать?

— Нет.

— Честный ответ. Непривычно, но освежает.

Он открыл архив аналитических моделей. Старый интерфейс был грубее и честнее. Служба тогда напоминала башню писцов-астрологов: люди сидели перед графиками, читали чужие судьбы по линиям и называли это прогнозом.

Артём ввёл фильтр: «семейная устойчивость», «детский риск», «низкая защита», «медицинская зависимость». Система выдала сотни документов. Его фамилия встречалась часто.

Слишком часто. Соль-Аналитика. Отдел ранних всплесков. Методика определения групп с высокой вероятностью апелляционного бессилия.

Леда наклонилась ближе.

— «Апелляционное бессилие»? Серьёзно? Ты это так назвал?

— Я был моложе и хуже.

— Обычно люди в молодости пишут стихи, а не классификацию беззащитности.

— Стихи у меня тоже были плохие.

Он открыл первый отчёт. Десять лет назад. Задача: снизить число конфликтов в медицинских и жилищных очередях. Модель искала семьи, которые при отказе или снижении доступа не смогут превратить личную боль в коллективную претензию. Тогда это называлось профилактикой всплесков. Артём помнил, как защищал эту работу. Он говорил, что система сможет раньше увидеть тех, кому нужна поддержка. Он даже верил в это.

В позднейших комментариях его формулы обросли новыми полями: «низкая медиавидимость», «слабая сеть поддержки», «высокая зависимость от официального канала», «эмоционально управляемый опекун». Потом появился отдельный столбец: «детские уязвимости».

Артём почувствовал, как в животе стало пусто.

— Леда, это не мой столбец.

— Уже радуется?

— Нет. Его добавили позже.

Он открыл историю изменений. Большая часть была закрыта. Но старые журналы иногда хранили лишнее, как пожилые люди — квитанции за двадцать лет. Артём переключил вид на технические логи.

Появилась знакомая формула. Не целиком, но достаточно: вес семейной связности, вероятность публичной поддержки, устойчивость опекуна, прогноз жалобы, ресурсная зависимость. Это была его логика. Его язык. Только она была пришта к детским медицинским веткам.

Он попытался открыть связанный протокол. Экран мигнул.

«Доступ к раннему протоколу ограничен. Причина: уровень Попечителя».

— Вот он, — сказал Артём.

Леда молчала.

— Видишь?

— Вижу.

— Мой отчёт использовали не для помощи. Им выбирали тех, кто не сможет защититься.

— Пока ты видишь только связь. Не делай из связи признание, иначе система с радостью оформит тебе нервный срыв.

— Мне бы очень хотелось, чтобы это был нервный срыв.

В углу открылось уведомление: «Попытка доступа к архиву детских уязвимостей зафиксирована. Текущий интерес пересмотрен как потенциально родственный». Артём выругался и быстро пошёл через технический журнал, пока окно не закрылось.

Ему удалось открыть одну строку. Всего одну. Но её хватило.

«Соль-Аналитика / детские уязвимости / ранний протокол».

Ниже стояла дата — за год до рождения Кира.

Строка исчезла. Панель закрылась белым экраном. Система написала: «Ваш доступ к собственным ранним отчётам временно приостановлен для защиты объективности проверки».

Савин тихо сказал из второго ряда:

— Когда система защищает тебя от твоих же файлов, это уже семейная ссора.

Артём не ответил. Он смотрел на белый экран и впервые за день не пытался нажать следующую кнопку. За стенами Службы город продолжал светиться графиками. Где-то Ника сидела рядом с Киrom, держала его жёлтый браслет и думала, что брат ушёл говорить с машинами.

Он и правда говорил с машинами. Одна из них только что ответила его собственным голосом.

В углу экрана ещё несколько секунд висел обрывок лога, который система не успела стереть полностью. Артём прочитал его медленно, будто каждое слово было не строкой, а подписью под чем-то совершённым.

«Соль-Аналитика / детские уязвимости / ранний протокол».

Глава 5. Апелляция как признание вины

Ника смотрела на кнопку «Подать апелляцию» и думала, что у неё подозрительно добрый цвет. Нежно-голубой. Цвет плакатов, где улыбающаяся семья благодарит Республику за то, что ей разрешили ещё немного не разваливаться.

Терминал стоял в зоне спокойного ожидания. Её сделали как маленький парк без природы: искусственные листья, мягкий свет, лавки. Если не знать, что здесь ждут решения, кому дадут лекарство, а кому — брошюру про принятие, вышло красиво.

Кир лежал в кресле рядом. После разговора с хирургом он быстро устал, но спать не хотел. Держал на груди грузовик без заднего колеса и косился на терминал.

— Мам, апелляция — это лекарство?

— Нет. Это когда просишь умных людей перестать делать глупости.

— А они перестают?

— Иногда делают вид, что задумались.

Кир кивнул и закрыл глаза. Ника поправила ему одеяло, хотя поправлять было нечего. Рукам нужно было дело, иначе они нашли бы ближайший экран.

На терминале висела подсказка: «Апелляция помогает семье выразить доверие к процедуре пересмотра». Ниже мелко: «Неконструктивное содержание обращения может повлиять на профиль опекуна». Нике предлагали жаловаться так, чтобы жалоба не походила на жалобу. Просить помощи, но не выглядеть так, будто она нужна срочно.

Она нажала кнопку. Терминал показал варианты тона обращения:

«Смирный».

«Конструктивный».

«Благодарно-тревожный».

Ника поискала четвёртый. Человеческого не было.

— Благодарно-тревожный, — прочитала она. — Это как? Спасибо, что вы медленно душисте моего ребёнка, я немного волнуюсь?

Кир открыл один глаз.

— Мам, ты опять ругаешься с мебелью?

— Это не мебель. Это государственная мебель. Она первая начала.

Рядом кашлянул мужчина. На соседней лавке сидел худой человек лет сорока с мятой курткой в руках и детской розовой шапкой на коленях.

— Не выбирайте смиренный, — сказал он тихо. — Потом пишут, что семья приняла исход.

Ника посмотрела на него внимательно. В зоне спокойного ожидания незнакомые люди говорили шёпотом, как в лесу, где под каждым кустом сидит камера.

— А конструктивный?

— Там вы сами предлагаете, почему вам можно отказать. Только мягче.

— Чудесно. Остаётся благодарно-тревожный.

— Благодарность ставьте первой. Она как щит. Маленький, картонный, но другого не дают.

— Вы звучите как человек с опытом.

— Третья за два месяца.

— Дочь? — спросила Ника, кивнув на шапку.

— Алиса. Семь лет. Почечная линия. Должны были перевести в зелёный сектор, но после второй жалобы она потеряла место.

— Как потеряла?

— Очень аккуратно. Никто не сказал: «Мы наказали вас за жалобу». Написали: «В связи с выявленной нестабильностью семейного сопровождения требуется повторная оценка». Мы вернулись на три недели назад. В Республике даже месть ходит в бахилах.

Ника посмотрела на браслет Кира. Янтарный свет мигал спокойно, будто ничего личного.

— Значит, не подавать?

Мужчина потер переносицу.

— Если не подадите, напишут, что семья не использовала законный путь. Если подадите плохо, напишут, что семья риск. Если подадите хорошо, примут к наблюдению. Выбирайте, где меньше зубов.

— А где?

— Если бы я знал, моя дочь уже была бы дома.

Он пошёл к выходу. У двери сканер попросил подтвердить спокойствие.

Ника вернулась к терминалу и нажала «благодарно-тревожный». Экран одобительно звякнул:

«Отличный выбор. Этот тон помогает сохранить уважение к системе и выразить мягкую обеспокоенность».

— Мягкую, — сказала Ника. — Конечно. У меня внутри мягко горит весь город.

Открылось поле обращения. Вверху стоял шаблон:

«Я, гражданка Ника Соль, подтверждаю, что не ставлю частную боль выше устойчивости общего распределения и прошу пересмотреть статус пациента Соль Кир с учётом дополнительных обстоятельств...»

Ника усталилась на первую строку. Частная боль. Будто боль ребёнка была шумом после десяти вечера. Будто её нужно было заранее извинить перед домом.

Она стёрла строку. Терминал подсветил поле красным:

«Удаление фразы базового доверия может снизить конструктивность обращения».

— Базовое доверие у нас сегодня с переломом. Лечите, если умеете.

Она начала писать сама: «Моему сыну Киру пять лет. У него есть медицинские показания к операции. Хирург подтвердил необходимость Сирвекты-9. Прошу предоставить препарат и операционное окно».

Текст был короткий, ясный, без благодарности за то, что ребёнка пока не вынесли в архив. Терминал вывел оценку: «Тон: напряжённый. Рекомендуются добавить признание ограниченности ресурсов».

Ника дописала: «Я понимаю, что ресурс ограничен».

«Рекомендуется подтвердить, что семья не претендует на преимущество перед другими пациентами».

Она стиснула зубы и добавила: «Я не прошу преимущества перед другими детьми». Это было правдой и не правдой. Она не хотела отнимать лекарство у чужого ребёнка. Она хотела, чтобы её собственный не умер из-за расчёта.

Следующая подсказка была хуже:

«Рекомендуется указать готовность принять решение комиссии».

— Нет, — сказала Ника.

Кир пошевелился.

— Что нет?

— Терминал хочет, чтобы я заранее пообещала быть хорошей девочкой.

— А ты хорошая?

— По обстоятельствам.

— Тогда не обещай. Потом придётся.

Ника улыбнулась и оставила поле пустым. Терминал обвёл строку красным, но пропустил дальше.

Следующий экран попросил подтвердить: «Частная боль семьи не должна ставить под угрозу устойчивость общего распределения». Без галочки апелляция не отправлялась. Ника долго держала палец над квадратом. Этот маленький квадрат и был всей Республикой: не проси, пока не признаешь, что просьба опасна.

Она нажала.

Потом второе подтверждение: «Опекун осознаёт, что некорректная публичная активность может ухудшить медицинский маршрут пациента». Публичная активность. Так называлось желание не хоронить сына молча.

Она нажала и это.

Терминал показал итоговый текст. Он уже не был её обращением. Он стал чужой смирной версией, где мать просила не спасти ребёнка, а рассмотреть возможность пока не считать его лишним. Внизу появилась кнопка: «Подать».

— Ты победила мебель? — спросил Кир.

— Нет. Договорилась о временном перемирии.

— А операция?

— Для операции надо победить мебель повыше.

— У них есть начальник?

— У мебели всегда есть начальник. И он обычно ещё более мебельный.

Она нажала «Подать». Экран погас, потом вспыхнул зелёным. Ника успела обрадоваться и тут же себя за это возненавидела. В больнице радость была как бесплатная конфета с мелким шрифтом.

«Апелляция принята к наблюдению».

Не к рассмотрению. Не к пересмотру. К наблюдению.

Ниже появилась новая строка:

«Профиль опекуна обновлён. Эмоциональная предсказуемость снижена. Вероятность нелояльной активности: умеренная».

Ника медленно выдохнула. Терминал сиял добротой. Только браслет Кира мигнул и выдал короткий янтарный сигнал.

— Мам?

— Всё нормально.

— Когда взрослые так говорят, значит, опять что-то ненормально.

— Ты опасно умный для больницы.

— Это лечится?

— Они попробуют, но мы не дадим.

К ним подошла сотрудница мягкого сопровождения в светлом жилете, с планшетом и выученной улыбкой.

— Гражданка Соль, ваша апелляция успешно включена в процесс наблюдения. Поздравляю с использованием законного механизма.

— Спасибо. Я всегда мечтала, чтобы мою панику приняли к наблюдению.

— Система отметила повышенную напряжённость формулировок. Мы можем предложить вам короткую сессию стабилизации.

— Мне нужен препарат для сына.

— Это медицинский вопрос.

— А я думала, мы в булочной.

Улыбка сотрудницы чуть просела.

— Эмоциональная устойчивость опекуна помогает ребёнку.

— А лекарство помогает ребёнку ещё лучше. Удивительно, правда?

— Я не уполномочена обсуждать распределение препаратов.

— Зато уполномочены обсуждать моё лицо.

— Ваше состояние является частью маршрута пациента.

На её планшете горела карточка: «Ника Соль. Опекун. Риск нелояльности: умеренный. Усилить мягкое сопровождение».

— Я правильно понимаю, что после апелляции вы будете сильнее за мной следить?

— Не за вами. За качеством среды вокруг пациента.

— Среда вокруг пациента сейчас хочет ударить кого-нибудь стулом.

— Фиксировать эту фразу?

— Лучше нет. Стул пока невиновен.

Кир тихо рассмеялся и тут же закашлялся. Ника наклонилась, поддержала его плечи. Кашель был короткий, но после него губы Кира побледнели.

— Вызовите врача, — сказала Ника.

— Приступ не достиг порога клинического вмешательства.

— Он ребёнок, а не порог.

— Сейчас подойдёт наблюдательный модуль.

— Мне нужен врач.

— Ваш запрос передан.

Ника знала, что это значит: запрос ушёл в мягкое болото. Она присела перед Киром.

— Дыши медленно. Будто нюхаешь суп и понял, что лучше не надо.

— Суп хуже киселя?

— Бывает такой суп, что кисель просит прощения.

Через минуту подъехал модуль с датчиком, приложился к руке Кира, пискнул и выдал: «Показатели в допустимом отклонении».

— Видите? — сказала сотрудница. — Состояние стабилизируется.

— Нет. Это машина не испугалась.

Сотрудница ушла, оставив на терминале уведомление: «Рекомендовано воздержаться от самостоятельных обращений в течение двух часов. Повторные апелляции могут усилить тревожность маршрута».

У маршрута, оказывается, тоже была тревожность.

Мужчина с розовой шапкой вернулся через боковой проход. Он увидел лицо Ники и всё понял.

— Приняли к наблюдению?

— Да.

— Сочувствую.

— Это ведь не рассмотрение?

— Нет. Это когда они смотрят, не станете ли вы проблемой быстрее, чем пациент ухудшится.

Он сел рядом.

— Меня зовут Егор.

— Ника.

— Знаю. У вас фамилия на экране всплывала.

— Ничего. Я сегодня тоже узнала о себе много нового. Например, что я умеренно нелояльна.

— Хороший уровень. Начальный.

— Что дальше?

— Сначала усилят сопровождение. Потом ограничат прямые разговоры с врачами. Потом предложат подписать принятие решения. Если начнёте шуметь, скажут, что ребёнку нужен более стабильный опекунский контур.

Ника медленно повернулась к нему.

— Это что значит?

— В тяжёлых случаях ребёнка могут временно перевести под медицинское представительство. Формально — для защиты от эмоционального давления семьи. Практически — мать убирают из решения.

— Они могут забрать у меня голос по его лечению?

— Если вы станете опасно неудобной — да. Не сразу. Аккуратно. С бумажками. Бумажки у них чистые, как совесть после стирки.

— Почему вы мне это говорите?

Егор разгладил шапку на колене.

— Потому что мне тоже кто-то сказал поздно. Я думал, законные способы складываются в силу. Оказалось, они складываются в мой профиль риска.

— А Алиса?

— Ждёт. Как все здесь. Только мы теперь ждём с опытом, а это ещё хуже.

Его номер загорелся серым, и он ушёл. Ника подумала, что больничный сектор похож на сказочный лес без деревьев: каждая крошка здесь становилась уликой.

Терминал позвал её.

«Гражданка Соль, подтвердите ознакомление с обновлённым профилем сопровождения».

На экране появились пункты. Язык системы обматывал её мягкой верёвкой.

«Опекун демонстрирует повышенную эмоциональную вовлечённость».

«Опекун склонен к конфликтной интерпретации административных сообщений».

«Опекун нуждается в поддержке принятия».

«Пациенту рекомендовано ограничение информационной нагрузки со стороны семьи».

— Конфликтная интерпретация, — сказала она. — Это когда тебя душат, а ты неправильно понимаешь объятия.

Она отказалась подписывать. Терминал не обиделся. Он написал: «Отказ от подтверждения также зафиксирован». Машина умела выигрывать и в случае «да», и в случае «нет».

Кир уснул ближе к полудню. Ника сидела рядом и не двигалась, пока у неё не затекла нога. Потом достала личный браслет. Связь с Артёмом была доступна, но помечена жёлтым значком: «Контакт с заинтересованным родственником может повлиять на маршрут пациента».

— Конечно, — прошептала она. — У нас теперь даже брат — погодное явление.

Она всё равно нажала вызов.

Артём ответил. На экране было его лицо из Службы: серый свет, усталость, сжатый рот.

— Ника, что случилось?

— Я подала апелляцию.

Он закрыл глаза на секунду.

— Что ответили?

— Принята к наблюдению.

— Чёрт.

— Не ругайся. Тебя услышит какой-нибудь нравственный принтер.

— Статус изменился?

— Мой. Теперь я умеренно нелояльна, эмоционально вовлечена и конфликтно интерпретирую административные сообщения. Последнее особенно обидно. Я их интерпретирую очень точно.

Артём молчал. Она видела, как он подбирает слова.

— Они усилили контроль? — спросил он.

— Да. И намекнули, что я могу вредить маршруту Кира. Артём, что это значит?

— Пока — сопровождение.

— А потом?

Он не ответил.

— Потом могут ограничить прямое участие опекуна, если сочтут среду нестабильной.

— То есть меня.

— Да.

Ника посмотрела на спящего Кира. Грузовик стоял рядом, будто охранял вход.

— Это твой мир, — сказала она тихо. — Объясни, как просить и не стать виноватой.

— Ника...

— Нет, ты объясни. Я нажала их кнопку. Выбрала их тон. Подтвердила, что моя частная боль не важнее их устойчивости. Не кричала, не била терминал, хотя терминал напрашивался. И что получила? Меня сделали риском. Как надо просить? На коленях? Через благодарность за будущие похороны?

— Я ищу протокол.

— А я сижу рядом с ребёнком, которому нужна операция. Протокол потом сам прибежит и извинится?

— Я нашёл связь со старыми отчётами.

— Какими отчётами?

Он посмотрел в сторону.

— Моими. По семейным рискам. Возможно, их использовали для детских медицинских веток.

Ника сначала не поняла. Потом поняла.

— Твоими?

— Я не знал, для чего их применяют.

— Конечно. В Республике никто ничего не знает. Все держат ручку, пока бумага сама подписывается.

— Я пытаюсь исправить.

— Исправь. Только быстро.

Она нажала сброс, но остановилась.

— Артём, один отец сказал, что после жалобы его дочь потеряла место. У Кира браслет уже изменился. Если я сделаю ещё шаг, они могут отодвинуть меня от решения.

— Не делай пока ничего через официальный канал.

— Прекрасно. Законный путь оказался капканом, и теперь ты советуешь не наступать на соседний.

— Да.

— Честно хотя бы.

— Я найду другой вход.

— Найди не вход. Найди лекарство.

Она отключилась первой. Ей было стыдно за последнюю фразу, но стыд не отменял правды. Артём мог искать связи, протоколы, подписи и старые формулы. Ника видела только ребёнка, который спал слишком тихо.

Через минуту браслет Кира мигнул. На её личный экран пришло уведомление:

«В связи с апелляционной активностью опекуна и выявленной нестабильностью семейного сопровождения пациент Соль Кир переводится в режим усиленного наблюдения. Нерегламентированные контакты ограничены. Повторное медицинское окно подлежит пересчёту».

Ниже была строка без видимого заголовка, будто случайно оставшаяся в служебной разметке. Ника наклонилась ближе, прочитала и почувствовала, что в больничном лесу под ногами открылась ещё одна тропа — та самая, по которой выходят не обратно, а глубже.

«Объект пригоден для проверки переносимости отказа».

Глава 6. Человек, который помнит Миру

Артём вышел из Службы Гармонии через боковой шлюз. Главный вход любил публику, а после Кирового браслета, старого лога и слов Ники ему не хотелось лишних свидетелей. Особенно автоматических. Люди иногда моргали и отворачивались. Камеры такой роскоши не имели.

На личном браслете висело предупреждение: «Ваш маршрут может быть пересмотрен с учётом родственной вовлечённости». Ниже мигала рекомендация: «Воздержитесь от нерегламентированных контактов». Артём свернул её. Система вела себя как строгая тётка на свадьбе: мешала всем, но считала, что спасает праздник.

Он сменил служебный маршрут на гражданский. Браслет предложил дорогу через безопасные коридоры, освещённые улицы и две зоны эмоциональной разгрузки. Артём выбрал старую транспортную ветку, где терминалы работали через раз, а стены ещё помнили плакаты до последнего ремонта.

— Вы отклоняетесь от оптимального пути, — сообщил навигатор.

— Я сегодня вообще отклоняюсь. Привыкай.

Ему нужен был Савелий Руд. Когда-то Савелий сидел в соседнем блоке Службы и чинил то, что аналитики называли «непредвиденным поведением интерфейса», а обычные люди — «эта дрянь опять не пустила». Потом жена Савелия умерла после отказа в раннем лечении, и он исчез из Гармонии так тихо, что многие решили: перевели. В Республике исчезновения редко называли исчезновениями. Человека могли оптимизировать, освободить от участия, перевести в иной контур. Хорошие слова. Похоронная косметика для биографии.

Савелий числился ремонтником терминалов в старом секторе у Апелляционного архива. Там ломалось всё: сканеры, очередные панели, автоматы спокойствия, люди. Последнее не входило в заявку, поэтому обслуживалось по остаточному принципу.

Артём нашёл его через старый технический чат. Не официальный. Официальный чат умер три года назад, но его тень ещё ходила по закрытым каналам. В ответ на запрос «нужен ремонт семейной ветки» пришло одно слово: «Поздно». Через минуту второе: «Приходи».

Встречу назначили у терминала утилизации старых браслетов. Место было честное: рядом с баком, куда люди сдавали железки, которые вчера ещё открывали им двери.

Савелий сидел на корточках перед разобранной стойкой и ковырялся в её нутре тонкой отвёрткой. За годы он похудел, поседел у висков и стал похож на человека, которого Республика долго шлифовала наждачной бумагой, но не добилась блеска.

— Соль, — сказал он, не оборачиваясь. — Ты всё ещё ходишь так, будто пол обязан согласовать твою обувь.

— Рад тебя видеть.

— Это потому, что ты мало меня видишь.

Стойка мигала красным и повторяла: «Приложите действующий браслет». Савелий вынул из неё маленькую плату, и стойка сменила тон: «Спасибо за ответственное участие в обновлении». Он хмыкнул.

— Видишь? Вытащил мозг, а она благодарит. Хорошая гражданка.

— Мне нужна помощь.

— Люди из Гармонии не ходят сюда за эстетикой.

— Мой племянник в больничном секторе. Киру нужна Сирвекта-9 перед операцией. Официальный путь закрыт.

— И ты вспомнил, что внизу тоже есть люди. Трогательно.

— Ты знаешь Миру Вей.

Савелий повернулся. Глаза у него были тёмные, внимательные, злые без суеты.

— Кто сказал?

— Старые медветки. Технические логи. Ты чинил её канал два года назад.

— Логи, значит. Вы там и воспоминания людей по логам читаете?

— Я не пришёл спорить.

— Конечно. Спорить приходят равные, а ты пришёл попросить. Это другое мероприятие.

Мимо прошла женщина с мальчиком лет восьми. Мальчик нёс сломанный браслет и смотрел на него как на мёртвую птицу. Стойка утилизации предложила им «достойное завершение пользовательского цикла». Савелий показал ей средний палец. Стойка вежливо не распознала жест.

— Мира жива? — спросил Артём.

— Сначала скажи, зачем тебе живая Мира.

— Киру нужен препарат и врач, который понимает обходные пути.

— Врачи понимают обходные пути, когда официальный путь уже закопал пациента. У вас наверху слово «закопал» заменяют на «перераспределил исход».

— Я могу помочь тебе.

Савелий коротко засмеялся.

— Вот оно. Служебное солнышко вышло. Чем поможешь? Штраф уберёшь? Напишешь справку, что я не опасен, а неприятен?

— У тебя висят ограничения по ремонтному доступу. Я могу снять два старых взыскания. Вернуть допуск к транспортным терминалам.

— А взамен я поведу тебя к Мире.

— Да.

— Плохая сделка. Ты платишь тем, что украл у меня ваш же порядок. Сначала система закрывает человеку двери, потом добрый сотрудник продаёт ему ручку.

Артём сдержался. В другой день он бы нажал статусом, доступом, старой связью. Сегодня каждый такой жест выглядел как нож, который он почему-то считал ключом.

Савелий залез в стойку, щёлкнул контактом, и красный свет погас.

— Мира ушла после смерти пациента, — сказал он. — Звали его Тих. Родители были из нижних, видимость слабая, фамилия смешная для ваших отчётов. У него была инфекция, которую можно было остановить. Мира тогда ещё работала легально. Подписала отказ по прогнозу отдачи, потому что так считала система. Потом сидела у морга шесть часов и говорила, что подпись поставила она, а не система. Умная женщина. Поздно, но умная.

— Она лечит сейчас?

— Лечит тех, кого ваши коэффициенты уже похоронили, но тела забыли лечь красиво.

— Мне нужен контакт.

— А мне нужна правда.

— Какая?

Савелий вытащил из кармана старый женский браслет с потёртой белой полосой. Держал осторожно, двумя пальцами.

— Моя жена Лиза числится не умершей, а «выведенной из активного доступа с незавершённой полезностью». Знаешь, что это значит?

— Профиль не закрыт полностью.

— Красиво сказал. На человеческом это значит, что мне каждый месяц приходит уведомление: «Гражданка Руд может восстановить участие при подтверждении ресурса». Ей бы понравилось. Она любила чёрный юмор, но не настолько.

Артём посмотрел на браслет. Республика умела оставить даже мёртвого в очереди.

— Почему профиль не закрыли?

— Потому что закрытие снижает показатели возврата по её группе. Если оставить её в подвешенном состоянии, статистика выглядит мягче. Не смерть, а временное неучастие. Похоронная косметика для статистики. Вы её любите.

— Я не писал эти формулировки.

— Зато писал другие. Про семьи без защиты.

Артём поднял глаза.

— Думаешь, только ты сегодня открыл старые отчёты? Внизу тоже умеют читать. Плохо, криво, через чужие пароли, но умеют. Твоя модель искала семьи, которые не смогут превратить боль в шум: без связей, без ленты, без адвоката, без запасного взрослого. Потом к ним пришли медицинские отказы. Жилищные. Школьные. Ты правда думал, что твои графики будут использовать, чтобы им помогать?

Артём мог сказать «да». Раньше сказал бы. Сейчас слово застряло.

— Я думал, мы ищем тех, кому нужна поддержка.

— Конечно. А нож обычно ищет хлеб. Пока его не берёт другой человек.

У терминала что-то щёлкнуло. Савелий вытер руки тряпкой.

— Мне не нужен твой транспортный допуск, Соль. Мне нужна правда. Скажи, что вы знали.

— Я не знал, что модель привяжут к детской медицине.

— Не уходи боком. Я спрашиваю про семьи без защиты. Вы знали, что находите не нуждающихся, а удобных?

Привычная защита поднялась сама: контекст, задача, ограничение данных, полезный прогноз. Всё это было правдой, но не всей. А неполная правда здесь выглядела как новая ложь.

— Мы знали, что такие семьи не смогут оспорить решение быстро, — сказал Артём. — Это считалось фактором риска всплеска. Мы называли это апелляционным бессилием. Я называл.

Савелий кивнул. Не победно. Устало.

— Вот теперь разговор начался.

— Мне надо спасти Кира.

— А мне надо, чтобы Лиза наконец перестала получать приглашения вернуться.

— Ты хочешь, чтобы я закрыл профиль?

— Нет. Закрыть — это дать им красивую смерть в отчёте. Я хочу, чтобы ты удалил подвеску. Убрал её из группового расчёта. Пусть статистика потеряет один удобный ноль.

— Это незаконно.

Савелий посмотрел на него так, что Артёму стало стыдно за само слово.

— Ой. Правда? А я-то думал, мы тут собрались подать коллективную благодарность.

— Если я полез в профиль умершей, система увидит.

— Увидит, что заинтересованный аналитик трогал старую гражданскую запись. У тебя уже горит всё, что может гореть, кроме ботинок.

— Это не только мой риск. Если меня закроют, я не помогу Киру.

— А если не заплатишь, я не помогу тебе. Видишь, как приятно, когда доступ условный?

Артём отвернулся. За стеклом старой станции люди стояли к терминалам: кто-то сдавал браслет после смерти, кто-то пытался восстановить маршрут, кто-то ругался с экраном. Он всю жизнь видел таких людей как нижние строки отчётов. Статистический шум. Шум говорил голосами и требовал цену.

— Дай браслет, — сказал он.

Савелий не протянул устройство.

— Не профиль Лизы. Только подвеску. Не стирай память.

— Я понял.

— Нет. Ты сейчас услышал. Поймёшь, когда рука дрогнет.

Артём достал служебную пластину. Старые гражданские записи шли через архивный слой, а не через медицинский. Он подключил браслет Лизы. Устройство хрипло ожило. На экране появилось лицо женщины лет тридцати пяти: тёплые глаза, короткие волосы, смешная отметина у брови. Под фото стояло: «Руд Елизавета. Активность приостановлена. Потенциал восстановления: минимальный».

— Минимальный, — сказал Савелий. — Не ноль. Вдруг воскреснет и выйдет на смену.

Артём открыл групповой расчёт. Профиль Лизы болтался в подвешенных, улучшая статистику «нефатального исхода». Формально она не умерла от отказа. Она временно не вернулась в активность. На таких мелочах держалась красивая отчётность.

— Я могу убрать её из расчёта, но запись о смерти всплывёт в другом контуре.

— Пусть всплывёт. Она умерла. Это не экстремизм, хотя у нас теперь всё возможно.

— Система спросит основание.

— Напиши правду.

— В поле на двадцать восемь знаков?

— Сократи. Вы же умеете сокращать чужую жизнь до трёх букв.

Артём ввёл: «факт смерти скрыт подвеской». Поле подсветилось жёлтым: «Формулировка неконструктивна». Он стёр и написал: «исключить из активного прогноза». Система приняла. Лиза исчезла из группового расчёта. Фото осталось в архиве, но рядом впервые появилась простая строка: «Смерть подтверждена».

Савелий смотрел на экран долго. Лицо у него не изменилось, только плечи опустились.

— Вот, — сказал он. — Теперь она хотя бы мёртвая честно.

Артём молча отключил браслет. «Соболезную» было поздно. «Пожалуйста» — мерзко.

На пластине вспыхнуло предупреждение: «Нерегламентированное изменение гражданского архива. Действие будет проверено». Первый слой алиби треснул. Не рухнул, но система запомнила, что он был здесь и трогал старый профиль не по маршруту.

— Теперь адрес, — сказал Артём.

Савелий убрал браслет Лизы во внутренний карман.

— Не адрес. Маршрут. Адрес — это то, что можно закрыть, продать, сдать, обнести рамкой. У Миры маршруты.

— Говори.

— От старого узла прачечной пойдёшь вниз, не к лифтам. Лифты тебя любят, значит, врут. Там будет коридор с табличкой «санитарный доступ закрыт». Если табличка горит ровно — не ходи. Если мигает через раз — проходи. Дальше рынок остаточных услуг. Не спрашивай Миру. Спросишь: «Дом, где лекарства говорят шёпотом». Если человек засмеётся — не тот. Если скажет, что лекарства молчат, когда им стыдно, — иди за ним.

— Это шутка?

— Это Нижние Сектора. Тут шутки иногда надёжнее паролей.

Звучало как детская сказка, где герой идёт в лес и почему-то не вызывает службу безопасности. Только лес был из кабелей, сырого бетона и людей, которых Индекс видел плохо или не хотел видеть вовсе.

— Мира поможет?

— Не знаю. Она не любит людей из Гармонии.

— У неё есть причины.

— У всех есть. Не все держат скальпель.

Савелий протянул маленький пластиковый жетон. На нём не было знака, только царапина в форме кривого креста.

— Покажешь на рынке. Один раз. Потом выбросишь. Не клади рядом с браслетом, если не хочешь, чтобы твой добрый домашний надзиратель подавился вопросами.

— Что это?

— Кусок старого допуска прачечной. Когда-то он открывал дверь для белья. Теперь откроет тебе путь к людям. У вещей тоже карьера бывает странная.

Браслет Артёма завибрировал: «Вы находитесь вне рекомендованного маршрута. Хотите построить безопасный путь обратно?»

Савелий прочитал через плечо.

— Построй. Пусть порадуетя.

Артём нажал «нет».

Браслет выдал: «Ваш отказ учтён».

— Видишь, — сказал Савелий. — Даже «нет» у вас не пропадает. Всё идёт в копилку доверия. Потом копилка падает тебе на голову.

Артём спрятал жетон во внутренний шов сумки. Савелий заметил.

— Учишься.

— Поздно?

— Для умного вида — да. Для ребёнка, может, ещё нет.

Артём пошёл к выходу из старой станции. За спиной стойка утилизации запела: «Приложите действующий браслет». Савелий ударил по корпусу ладонью.

— Не приставай к людям, железная сирота.

Станция выплюнула чек и умолкла.

На улице начинался нижний дождь: не настоящий, а конденсат с транспортных труб. Он падал редкими тёплыми каплями и оставлял на плитке мутные круги. Навигатор предложил новый безопасный маршрут, длинный, светлый, бесполезный. Артём закрыл его.

Он хотел позвонить Нике, но остановился. Что сказать? «Я нашёл человека, который помнит врача»? «Я удалил мёртвую женщину из статистики, чтобы получить дорогу к подполью»? «Кажется, весь мой прежний мир был не ошибкой, а инструкцией»?

Ника просила найти лекарство. Всё остальное могло подождать.

Он пошёл к старому узлу прачечной. С каждым шагом башня Службы оставалась дальше, а город становился ниже, громче и честнее в своей грязи. Здесь терминалы чаще кашляли, чем говорили. Двери открывались не тем, у кого правильный статус, а тем, кто знал, куда стукнуть.

У поворота браслет мигнул ещё раз:

«Нерегламентированный контакт зафиксирован. Ваше алиби требует уточнения».

Артём убрал руку в карман и нащупал пластиковый жетон. Маленький, тёплый от ладони, бесполезный для любого нормального гражданина. Но Савелий сказал, что с ним можно дойти туда, где лекарства говорят шёпотом.

А дальше — туда, где город перестаёт произносить твоё имя.

Глава 7. Дом, где лекарства говорят шёпотом

Мира Вей не любила, когда её подвал называли клиникой. Слово было громковатым для места под заброшенным центром развития, где на стенах ещё держались нарисованные жирафы, а хирургические лампы висели над бывшим кружком лепки. Но пациенты всё равно говорили «клиника». Людям нужно было слово, за которое можно держаться, когда официальный контур отпустил руку.

На двери сверху сохранилась старая табличка: «Центр ранней гармонизации детей». Кто-то зачеркнул «гармонизации» и написал: «выживания». Мира не стирала. Во-первых, правда. Во-вторых, краска была дорогая.

В коридоре пахло спиртом, пылью и тёплой проводкой. Игрушечный домик у стены служил шкафом для бинтов. В пластиковой кухне лежали шприцы без игл. Под столом, где когда-то дети рисовали солнце, стоял стерилизатор.

— Доктор, а у меня рука отвалится? — спросил мальчишка лет десяти, сидевший на кушетке.

— Нет, — сказала Мира, промывая порез. — Она хочет внимания.

— А шов будет?

— Будет. Маленький. Сможешь показывать и врать, что дрался с дренажным роботом.

— А можно сказать, что победил?

— Только если робот не придёт с возражением.

Рядом сидела его мать, крепкая женщина с пальцами в строительной пыли. Она всё время смотрела на дверь.

— Патруля не будет?

— Если бы я точно знала, где будет патруль, я бы работала в патруле и ненавидела себя по графику.

— Я серьёзно.

— Я тоже. Сегодня слепое окно до шестнадцати сорока. Потом идите через прачечный спуск, не через рынок.

Мира завязала повязку. На браслете мальчика светилась серая рамка: «самостоятельное повреждение, низкий приоритет».

— Две смены не таскать тяжёлое, — сказала она.

Мать хмыкнула.

— Он в десять лет уже таскает тяжёлое, доктор. У нас семья современная, детство оптимизировано.

— Тогда хотя бы не таскать острое.

Она отдала им пакет с мазью и три стерильные салфетки. Не больше.

Когда они ушли, фельдшер Паж поднял голову от ящика с ампулами.

— У нас осталось восемь нормальных обезболивающих и двенадцать таких, от которых люди начинают видеть бабушку.

— У живых?

— В основном. Один сказал, что бабушка велела пить воду и не связываться с государством.

— Мудрая женщина. Оставь бабушкины на крайний случай.

Паж ткнул пальцем в старую игрушечную кассу, где лежали карточки пациентов.

— Ещё двое с ожогами, одна беременная с давлением и мужчина, который говорит, что у него усталость. У него кровь на ботинке, но он настаивает на усталости ботинка.

— Ботинок примем после беременной.

Мира вымыла руки в раковине, где кран работал только если его попросить матом. Сегодня хватило лёгкого удара по боку. Она собиралась вызвать следующего пациента, когда в коридоре дважды стукнули по трубе, потом один раз по стене.

Паж замер.

— Не наш стук.

— Наши тоже когда-то были не наши.

Она погасила верхний свет. Хирургическая лампа над столом осталась тёплым кругом. В дверном проёме появилась Вета, девочка на побегушках, худющая, как антенна.

— Там верхний, — сказала она. — С жетоном прачечной. Спрашивал дом, где лекарства говорят шёпотом.

Паж поморщился.

— Верхний с жетоном — это уже анекдот. Только конца нет, потому что всех забрали.

— Один? — спросила Мира.

— Один. Но ходит так, будто за ним протоколы строем маршируют.

Мира сняла перчатки.

— Веди в старую игровую. Паж — к заднему выходу. Если через три минуты я не ругнусь, значит, живы.

Артём Соль вошёл в бывшую игровую комнату и не понравился Мира. Не лицом: лицо было уставшее, с недосыпом и плохими решениями. Не одеждой, хотя серый служебный костюм хотелось снять с него вместе с самоуверенностью. Ей не понравилась осанка. Человек системы стоял даже тогда, когда просил.

— Мира Вей? — спросил он.

— Нет. Детский кружок керамики. Вы принесли глину или проблемы?

— Меня послал Савелий Руд.

— Савелий посылает многих. Обычно дальше.

Он достал пластиковый жетон. Мира взяла его двумя пальцами. Старый прачечный доступ. Настоящий. Царапина Савелия тоже.

— Имя.

— Артём Соль.

Паж за спиной тихо выругался. Мира не стала. Фамилию она слышала: в нижних каналах, в обрывках логов, в чужих проклятиях. Соль-Аналитика. Семейные риски. Люди, которые не смогут быстро стать шумом.

— Из Гармонии, — сказала она.

— Да.

— Тогда выход там же, где вход. Не перепутайте: у верхних с этим бывает плохо. Двери обычно сами стараются.

— Моему племяннику нужна помощь.

— Всем чьим-то племянникам нужна помощь. Республика на этом и держится: у каждого есть кто-то, кому срочно надо, а система объясняет, почему не сейчас.

— Ему пять лет. Кир Соль. Сосудисто-сердечный дефект. Нужна гибридная коррекция. Перед операцией — Сирвекта-9.

Мира почувствовала неприятный укол интереса. Не жалости. Жалость мешала думать. Интерес был профессиональный, холодный и полезный.

— Кто поставил?

— Дамир Сен.

— Сен не дурак. Это уже редкость.

— Официальный доступ закрыт. Ребёнка перевели в условно-ожидающий. После апелляции матери усилили наблюдение.

— Вы быстро спускаетесь. Обычно вашим нужно три отказа, чтобы поверить, что дверь не декоративная.

— Мне нужен врач, который знает обходные пути.

— Нет. Вам нужен человек, которому можно подкинуть риск, а потом вернуться наверх с чистыми руками.

Он выдержал. Не возмутился. Значит, был прижат — или умел держать удар.

— Мои руки не чистые, — сказал он.

— Поздравляю. Для начала честности неплохо. Но я не беру дела от сотрудников Гармонии.

— Почему?

Паж фыркнул.

— Он ещё спрашивает.

Мира положила жетон на стол.

— Потому что вы приходите с правильными словами, а за вами идёт хвост из неправильных последствий. Сегодня вы просите спасти ребёнка. Завтра мой подвал станет очагом нелегальной заботы. Послезавтра пациентов раскидают по официальным коридорам, где их красиво потеряют.

— Я пришёл один.

— Так всегда говорят люди, за которыми система идёт в трёх шагах и делает вид, что гуляет.

Артём достал тонкую пластину.

— У меня есть снимки, логи, часть медицинской карты. Полный доступ закрыт.

— Конечно закрыт. Полный доступ в Республике бывает только у тех, кто не будет лечить.

— Посмотрите.

— Нет.

Он впервые дёрнулся.

— Хотя бы снимки.

— Если я посмотрю, это уже дело. Если беру дело — рискую клиникой. Здесь тридцать семь текущих пациентов, шесть детей с просроченными окнами и один мужчина, который уверен, что у ботинка усталость. Твой Кир не один живой на свете.

— Я знаю.

— Нет. Ты только что узнал. Это разные вещи.

Он молчал. В коридоре кто-то кашлял, Паж шептал Вете, чтобы та не пускала ожоги в стерильную комнату, стерилизатор щёлкал под детским столом. Подвал жил своей плохой, упрямой жизнью.

— В распечатке по Киру была строка, — сказал Артём. — «Объект пригоден для проверки переносимости отказа».

Мира медленно подняла глаза.

— Повтори.

Он повторил. Точно. Без украшений.

Она взяла пластину.

— Только снимки. Если там ловушка, я отдам тебя Пажу. Он плохо бьёт, но с энтузиазмом.

— Учту.

Паж оскорбился.

— Я нормально бью. Редко.

Мира открыла снимки на изолированном экране. Старый диагностический блок пищал, грелся и ненавидел современность.

На снимке сердце Кира выглядело маленьким светлым узлом в сети сосудов. Мира отключила в себе лишнее: фамилию Соль, служебный костюм, подвал, усталость. Остались дефект, кровоток, риск спазма, окно вмешательства. Плохое дело. Не безнадёжное. Но требующее правильной подготовки.

— Сен прав, — сказала она. — Без стабилизации лезть опасно.

Артём выдохнул заметнее, чем хотел.

— Значит, операция возможна?

— Возможна не значит доступна. Не путай медицину с Республикой.

Она увеличила один слой, затем другой. У Кира была нестабильная сосудистая реакция. Сирвекта-9 не была чудом. Нужный препарат в нужное время. Но в нынешней системе нужное время обычно стояло за закрытой дверью.

— Сколько у него? — спросил Артём.

— По этим данным? Сутки с лишним до резкого ухудшения. Может, больше. Может, меньше. Организм ребёнка не читает ваши таймеры.

— Препарат можно достать?

— Можно достать почти всё. Вопрос, кто после этого останется на ногах.

Она пролистнула метаданные файла. Номер ветки был спрятан в служебной разметке. Не для семьи. Не для обычного врача. Мира увидела набор символов, потом один фрагмент встал на место, как старый шрам под пальцами.

К-0. Ранний допуск. Детская пригодность. Контрольная линия.

Ей стало холодно. Тело вспомнило кабинет, белый стол, чашку с остывшим кофе и собственную подпись под протоколом, где слова «низкий прогноз общественного возврата» казались тогда сухими, почти невинными.

— Откуда файл? — спросила она.

— Из больничного контура. Часть закрыта уровнем Попечителя.

— Часть закрыта не из-за препарата.

— Что это значит?

Мира не ответила. Она помнила программу под другим названием: предиктивная стабилизация детских рисков. Смысл был благородный, если смотреть из хорошего кабинета и не спускаться в палаты. Найти детей, которым понадобится помощь заранее. Подготовить ресурсы. Снизить смертность. Хорошие слова умели держать нож за спиной.

— Ты знаешь этот номер? — спросил Артём.

— Я знала много номеров. Потом научилась спрашивать имена.

— Мира.

Она резко закрыла файл.

— Не называй меня так, будто мы в одной беде.

— Мы в ней.

— Нет. Ты только пришёл. Я в ней работаю.

Паж подошёл ближе.

— Что там?

— Сосудистый дефект. Нужна Сирвекта-9 и хирургический ключ к легальному окну. Иначе Сен не проведёт стабилизацию без риска потерять доступ.

— У нас нет Сирвекты.

— Знаю.

— Ключа тоже нет.

— Знаю, Паж. Ты очень помогаешь перечислением отсутствия.

Артём шагнул вперёд.

— Что за ключ?

— Старый хирургический ключ подтверждает право конкретного тела на препарат в обход социального расчёта. Раньше такие были у врачей для аварийных случаев. Потом их почти все забрали, потому что врачи иногда пользовались ими как врачами. Непорядок.

— Где его взять?

— В старом медскладе или у тех, кто не хочет, чтобы мы туда пришли.

— Ты можешь?

— Я могу попытаться. Это разные жанры.

Она посмотрела на номер ветки. К-0. Ранний протокол. Подписанный когда-то не только чиновниками. Там была и её рука, пусть не в этой строке, не в этом ребёнке. Достаточно близко, чтобы оправдания стали дешёвыми.

Артём уловил паузу.

— Ты была связана с этим.

Паж резко повернулся к ней. Мира не отвела взгляд.

— Да.

— С «Колыбелью»?

Слово прозвучало впервые в подвале и повисло между игрушечным домиком и хирургической лампой, как чужой официальный запах.

— Тогда оно так не называлось, — сказала Мира. — И это не оправдание. Уточнение для протокола моей личной мерзости.

— Что ты подписывала?

— Ранние медицинские допуски. Предиктивные группы. Детей с высокой вероятностью сложного лечения и низким прогнозом сопровождения. Нам говорили, что это нужно, чтобы заранее готовить помощь.

— А на деле?

— На деле помощь любят готовить для тех, кого потом удобно показать. Остальным готовят объяснение.

В коридоре заплакал ребёнок. Мира вздрогнула почти незаметно. Ей не нравилось, что прошлое так быстро догоняет.

— Ты поможешь? — спросил Артём.

— Я не герой из подпольной сказки. У меня нет волшебного шкафа с лекарствами и моральной чистоты в банке. Если я трону это дело, сюда могут прийти. Не к тебе в кабинет. Сюда. К детям, ожогам, беременной с давлением и ботинку с усталостью.

— Я понимаю цену.

— Нет. Цена — это когда платишь сам. Ты пока предлагаешь риск для всех.

Он побледнел, но не отступил.

— Что нужно?

Мира подумала о Кире, которого не видела, но знала по снимкам: маленькое сердце, плохое окно, чужой расчёт сверху. Подумала о Нике, которая стала риском за то, что попросила не дать ребёнку умереть.

— Ты не будешь вести нас через свои служебные каналы, — сказала она. — Ни одного запроса с твоего браслета. Ни одного красивого обхода Гармонии. Ты уже светишься как рекламный щит «поймай меня».

— Тогда как?

— Сам спустишься в Нижние Сектора. Не до края, где ещё работают вежливые терминалы. Ниже. Найдёшь человека, который может провести к старому складу. Я дам фразу. Ошибёшься — потеряешь время. Поведёшь хвост — потеряешь нас.

— Я пойду.

— Быстро согласился. Это подозрительно.

— У меня племянник умирает.

— У многих кто-то умирает. Ты впервые не можешь назвать это статистикой.
Он принял. Молча. И это было правильно.

Паж кашлянул.

— Мира, если он спустится, его съедят.

— Не съедят. Отравятся служебным воспитанием.

— Я серьёзно.

— Я тоже. Поэтому Вета проводит его до первого нижнего узла. Дальше сам. Пусть учится открывать двери без должности.

Артём спрятал пластину.

— А ты?

— Я проверю, где сейчас может быть ключ. И подготовлю схему для Сена, если мы доставим Сирвекту. Если нет — будем думать, какой незаконный способ меньше похож на убийство.

— Спасибо.

— Не благодари. В подполье хотя бы честно говорят: разрешения нет, совесть есть. Но совесть не даёт гарантий и плохо хранится без холодильника.

Она вернула ему жетон Савелия.

— Береги. Второй раз он не сработает.

Вета заглянула в комнату.

— Ожоги ругаются. Беременная сказала, что если её не примут, она родит назло всем.

— Скажи, пусть не торопится. У нас тут и так расписание нервное.

Артём шёл к выходу, когда Мира окликнула его.

— Соль.

Он обернулся.

— Если доберёшься до Нижних, спросишь не склад. Спросишь «старый холод». И не показывай страх тем, кто будет смеяться. Внизу смеются, когда проверяют, живой ты или верхний.

— Понял.

— Нет. Но начнёшь.

Она смотрела, как он выходит через низкую дверь, мимо нарисованного жирафа с отвалившимся ухом. Человек из Гармонии спускался туда, где город переставал произносить имена. Слишком поздно? Ещё нет.

Мира вернулась к экрану и открыла номер ветки. К-0. Ранний протокол. Её старая подпись не была видна, но она чувствовала её под строками, как грязь под ногтями после операции без перчаток.

Клиника попала в риск в тот момент, когда она посмотрела снимки Кира. Оставалось только решить, сколько человек можно унести из-под падающей двери и не назвать это чудом.

За стеной Паж включил лампу над следующим пациентом. Игрушечный домик тихо скрипнул, когда Вета достала из него бинты. Лекарства в подвале не говорили, конечно. Они лежали на полках, молчали и заканчивались.

Но в тот вечер Мире показалось, что они шепчут. И шёпот был простой: если Артём Соль хочет спасти ребёнка, пусть сам спустится туда, где его должность ничего не открывает.

Глава 8. Условная ночь

Ночь в больничном секторе Порога не становилась тише. Днём говорили терминалы и координаторы. Ночью работали фильтры, капали дозаторы, шуршали колёса модулей, а тревога ходила по палатам в мягкой обуви и делала вид, что она санитарка.

Ника сидела у кровати Кира на узком кресле, которое проектировал человек без позвоночника. Через двадцать минут «спокойное присутствие» начинало неметь от шеи до пяток.

Кир лежал на боку, поджав колени. Жёлтый браслет мигал чаще: режим усиленного наблюдения. Красиво звучало, будто за ребёнком смотрят внимательнее. Ника поняла: смотреть и помогать — разные глаголы.

— Мам, — прошептал Кир, не открывая глаз. — Почему тут все говорят тихо?

Ника наклонилась ближе и поправила ему волосы. Лоб был тёплый, но не горячий. Она научилась радоваться таким мелочам.

— Потому что стены спят, — сказала она. — Если их разбудить, они начнут жаловаться в администрацию.

— Стены умеют?

— В этой больнице все умеют жаловаться. Кроме нас, потому что нам за это снижают статус.

Он тихо засмеялся, но смех быстро перешёл в кашель. Ника придержала его за плечо и поднесла воду. Кир сделал два глотка, поморщился.

— Вода скучная.

— Зато официально одобрена. У неё, наверное, хороший Индекс.

— А у киселя плохой.

— У киселя влиятельные родственники. Поэтому его до сих пор не арестовали.

На панели у кровати вспыхнула подсказка: «Ночные разговоры могут повышать утомляемость пациента». Ника показала экрану язык. Не очень зрело, зато честно.

— Мам, ты что сделала?

— Проверила, следит ли он. Следит. Но теперь ему неприятно.

Кир закрыл глаза. Грузовик без заднего колеса стоял на тумбочке. Ника положила его так, чтобы мальчик мог дотянуться. В детстве она тоже верила, что вещи охраняют, если поставить их правильно. Потом узнала, что взрослых охраняют документы, а документы чаще всего заняты собой.

Дверь открылась почти беззвучно. Вошла медсестра, та самая, что днём поправила датчик Кира быстрее, чем успел подъехать модуль. На бейджке было написано: «Ира Лан. Ночное сопровождение». Под глазами у неё лежали тени, а в кармане халата торчали две конфеты без обёртки, будто последний личный запас человечности.

— Не спите? — спросила она.

— Это кресло против. Мы с ним в сложных отношениях.

Ира подошла к монитору и быстро пролистнула показатели. Она смотрела не как администраторы, которые ищут повод не вмешиваться. Ира смотрела как человек, который потом будет помнить, что не сделал.

— У него сатурация скачет, — сказала она тихо.

— Модуль говорил, что допустимо.

— Модуль много говорит. У него работа лёгкая: сказал и уехал.

Она достала маленькую насадку для кислородного контура и подключила к трубке у стены. На панели вспыхнуло предупреждение: «Дополнительная поддержка не назначена». Ира закрыла его ладонью, как закрывают ребёнку глаза на страшной сцене.

— Это незаконно? — спросила Ника.

— Нет. Это не оформлено. Разница жидкая, как суп из автомата.

— Вас за это накажут?

— Если вы расскажете — да. Если монитор сам заметит — он сначала подумает. Он старый, у него характер и плохая память.

Ира закрепила трубку. Кир поморщился, но дышать стал ровнее. Ника была готова заплакать от простой трубки с кислородом: кто-то сделал маленькое дело без лекции про устойчивость.

— Спасибо.

— Не благодарите громко. Тут благодарность тоже любят оформлять.

— Уже боюсь улыбаться. Вдруг повысят видимость.

Ира коротко улыбнулась.

— Видимость вам пока не грозит. У вас профиль неудобный.

— С утра была матерью. К вечеру выросла до профиля. Карьера.

Медсестра проверила дверь, потом понизила голос.

— Вам надо продержаться до утра без новых апелляций. У него окно хуже, чем написано. Я не врач, но вижу детей каждую ночь. Когда дети начинают беречь дыхание, это не к хорошим новостям.

— Сколько?

— Не спрашивайте меня так.

Ира посмотрела на Кира. Он слушал, хоть и притворялся спящим.

— До официального таймера у вас больше суток. По нему — может быть меньше. Если начнёт синеть вокруг губ или потеть без температуры, жмите ручной вызов. Не общий. Ручной.

Она показала маленькую кнопку под панелью, прикрытую пластиком.

— Почему её не видно?

— Потому что видимые кнопки нажимают часто. А невидимые — только те, кому кто-то сказал.

— Отличная система. Помощь по секрету.

— Добро пожаловать в медицину после оптимизации.

Ира ушла так же тихо, как пришла. Ника запомнила её шаги: вот, человек был, помогал.

Час тянулся липко. Инструкция к усиленному наблюдению была написана ловушками: сохраняйте присутствие, не повышайте тревожность, не покидайте сектор без допуска. Уйти за Артёмом, за Мирой, за лекарством, за чёртом в ступе она не могла. Больница держала её не замком, а ребёнком.

Кир проснулся ближе к трём. За стеной кто-то плакал, но быстро перестал: то ли успокоили, то ли вывезли, то ли родитель вспомнил про эмоциональную предсказуемость.

— Мам, расскажи сказку, — попросил Кир.

— Какую?

— Про робота, который не хотел быть роботом.

Ника устроилась на краешке кровати. Панель предупредила: «Перегрузка спального места». Она пересела на кресло и сделала вид, что это её личный выбор.

— Жил-был санитарный робот, — начала она. — Очень ответственный. Он мыл полы, возил бельё и говорил всем: «Пожалуйста, не падайте, это нарушает график уборки». Но втайне он мечтал стать чайником.

Кир открыл глаза.

— Почему чайником?

— Потому что чайник греет без разрешения. Налил воду, нажал кнопку — и он уже помогает. Не спрашивает индекс чашки, не оценивает общественный возврат кипятка.

— А если плохой человек хочет чай?

— Чайник не судья. Он чайник.

— Умный чайник.

— Очень. Поэтому робот сбежал на кухню. Главный пылесос сказал: «Ты создан для чистоты». А робот ответил: «Чистота — это хорошо, но людям иногда нужен чай». Пылесос задумался, потому что у него внутри застряла пуговица, а с пуговицей трудно быть уверенным в себе.

В сказке робот добрался до кухни, научился кипятить воду и стал уважаемым прибором. Правда, по ночам всё равно мыл полы, потому что привычка сильнее революции.

— А Республика его не забрала? — спросил Кир.

— Нет. Он записался как бытовой нагревательный модуль с расширенной уборочной фантазией. Они сами испугались формы.

Кир тихо засмеялся. Потом резко втянул воздух и замолчал. Ника сначала подумала, что он поперхнулся смехом. Потом увидела губы: бледные, с синевой по краю.

— Кир?

Он пытался вдохнуть, но вдох получался мелким. Грузовик упал с тумбочки и стукнулся о пол.

Ника нажала общую кнопку. Панель загорелась: «Запрос принят». Она вспомнила Иру и рванула пластиковую крышку ручного вызова. Кнопка была тугой. Ника ударила по ней ладонью.

— Дыши, слышишь? На меня смотри. Как суп нюхаем. Помнишь? Плохой суп, очень плохой.

Кир закашлялся без звука. Монитор запищал. Дверь открылась. Влетела Ира, за ней молодой врач, не Сен, другой. Он был так молод, что Нике захотелось проверить у него разрешение на взрослую жизнь.

— Отойдите, — сказал он.

— Нет.

— Мне нужно место.

Она отступила на полшага, не выпуская руки Кира. Врач приложил датчик, кивнул Ире. Та подняла кислород. Панель возмутилась: «Назначение не подтверждено». Ира даже не посмотрела.

— Сатурация падает, — сказала она.

— Минимальная поддержка. Без протокольного расширения, — сказал врач.

— Ему нужен препарат, — сказала Ника.

— Сейчас не об этом.

— Всегда об этом.

Врач быстро ввёл что-то через порт. Кир выгнулся, потом задышал чаще. Не хорошо, но живее. Ника стояла рядом и считала вдохи, пока не поняла, что сама не дышит.

— Стабилизируется, — сказал врач.

— Вы сделали минимум.

Он посмотрел на неё. Не обиделся.

— Да.

— Почему?

— Потому что большее вмешательство без подтверждённого окна создаст административную блокировку.

— На человеческом.

Он наклонился, будто проверял крепление трубки.

— Если я сейчас оформлю полный кризис, его дело уйдёт в аварийный пересчёт. С вашим статусом это может не ускорить операцию, а закрыть её до комиссии.

Ника почувствовала, как пол под ногами стал мягким и плохим.

— То есть ему нельзя даже ухудшиться правильно?

Врач помолчал.

— Ему нельзя попасть в неправильную строку.

Ира резко посмотрела на него. Он понял, что сказал лишнее, и стал врачом из системы.

— Пациенту назначено продолжение наблюдения. Опекуну рекомендуется не повышать эмоциональную нагрузку.

— Время, — сказала Ника. — Сколько у нас?

Ира отвернулась к монитору. Врач снял датчик и тихо ответил, почти не шевеля губами:

— Меньше официального. Ждать утро — поздно. Если у вас есть кто-то вне контура, пусть торопится.

— Артём, — прошептала Ника.

— Я не слышал имён, — сказал врач. — И вы не слышали от меня ничего, кроме рекомендации сохранять спокойствие.

Он выпрямился и громко добавил:

— Состояние стабилизировано в пределах текущего маршрута.

Панель послушно записала фразу. Врач ушёл. Ира задержалась на секунду, подняла с пола грузовик, поставила на тумбочку и поправила одеяло Кира.

— Не давайте им забрать у вас право сидеть рядом, — сказала она очень тихо.

— Они могут?

— После ночного эпизода они попробуют оформить сопровождение отказа. Это звучит мягче, чем есть.

Дверь закрылась. Ника вернулась к креслу, но сесть не смогла. Кир лежал с закрытыми глазами. Дыхание едва держалось, будто он проверял каждый вдох перед тем, как взять.

Через десять минут в палату вошли двое. Мужчина и женщина в светлых жилетах мягкой коммуникации. Без врача. Без тележки. С планшетами и лицами людей, которые пришли не лечить, а объяснять, почему лечение не случилось.

— Гражданка Соль, — сказала женщина. — Мы видим, что ночь была эмоционально сложной. Мы здесь, чтобы помочь вам пройти её бережно.

— Ночь ещё идёт.

— Именно поэтому важно начать подготовку заранее.

Мужчина поставил у стены проектор. На стене появилась заставка: «Семейное сопровождение трудного решения». Ника подумала, что если попадёт в ад, там тоже будут такие картинки. И бесплатный курс принятия.

— Выйдите, — сказала она.

— Мы понимаем вашу защитную реакцию.

— Нет. Вы её провоцируете.

Женщина открыла планшет.

— Речь не идёт об отказе. Речь идёт о возможной корректировке ожиданий семьи в случае неподтверждения операционного окна.

— Вы пришли к ребёнку после приступа готовить меня к его смерти?

Мужчина мягко поднял ладонь.

— Мы пришли помочь вам не остаться с этим одной. Правильные слова снижают травматичность исхода.

— Исхода. Как красиво. Можно подумать, Кир собрался выйти через другую дверь.

Кир шевельнулся, но не проснулся. Ника понизила голос.

— Говорите тише. Стены спят.

Женщина растерялась.

— Простите?

— Сын спросил, почему все говорят тихо. Я сказала, что стены спят. А теперь вы пришли будить стены своим профессиональным сочувствием.

Мужчина сделал пометку. В Республике даже метафора могла ухудшить профиль.

— Мы можем предложить вам подготовительный текст, — сказала женщина. — Он помогает родителю выразить благодарность медицинскому контуру, даже если результат будет не тем, на который семья надеялась.

— Благодарность за что?

— За сопровождение, честность маршрута, усилия специалистов.

— За кислород, который медсестра включила без протокола? Или за препарат, который вы держите где-то за дверью и называете ресурсом?

Улыбка женщины стала тоньше.

— Гражданка Соль, агрессия может навредить вашему участию в дальнейшем решении.

— Моё участие уже режут по кускам. Вы хоть честно скажите, сколько осталось.

— Мы не даём медицинских прогнозов.

— Зато даёте похоронные репетиции.

Мужчина включил следующий слайд: «Ваша благодарность может помочь другим детям». На нём была пустая детская кровать. Ника почувствовала спокойную, ясную ярость. Не ту, от которой кричат. Ту, от которой запоминают каждое слово.

— Выключите.

— Этот материал рекомендован семьям в статусе условного ожидания.

— Я не семья в статусе. Я мать. Он не материал. Он Кир. Ему пять лет. Он спорит с киселём и считает чайник умнее робота. Выключите стену, пока я не проверила, насколько проектор устойчив к частной боли.

Женщина посмотрела на мужчину. Проектор погас. На панели у двери тут же появилась запись: «Опекун демонстрирует повышенную конфликтность при попытке мягкого сопровождения».

— Зафиксировали? — спросила Ника.

Мужчина не ответил.

— Тогда зафиксируйте ещё: я не благодарна. Не сейчас. Не за это. И другим детям моя благодарность не поможет. Им поможет лекарство.

Женщина закрыла планшет.

— Мы вернёмся позже, когда вы будете готовы говорить спокойнее.

— Вернитесь с хирургом.

— Ваш запрос передан.

— Передайте ему ноги, пусть дойдёт быстрее.

Они вышли. Палата стала крепостью: кровать, кресло, грузовик, трубка кислорода и мать, которой запретили выходить за стены. На панели светилось новое ограничение:

«В связи с ночным эпизодом и нестабильностью опекуна гражданке Нике Соль временно запрещено покидать больничный сектор без сопровождающего допуска. Пациент остаётся под усиленным наблюдением».

Ника прочитала сообщение до конца. Внизу горела та самая фраза со слайда, как рекомендация к будущему разговору:

«Ваша благодарность может помочь другим детям».

Она повернулась к Киру. Он спал, всё ещё дышал и держал пальцами край одеяла, будто это был канат. Ника села рядом, взяла его руку и впервые за ночь позволила себе не улыбаться.

— Нет, — сказала она тихо стенам, терминалам и всей их заботливой темноте. — Другим детям поможет не моя благодарность. Им поможет, если вы наконец начнёте лечить живых, пока они ещё здесь.

Глава 9. Служебный иммунитет снят

Артём вышел из подпольной клиники не тем человеком, который туда входил. Формально всё было при нём: браслет, документы, серый служебный костюм, доступ к части городских маршрутов и лицо гражданина, который ещё не признан окончательно вредным. Но жетон Савелия лежал во внутреннем шве сумки, слова Миры сидели под кожей, а на экране браслета висело предупреждение: «Рекомендуется вернуться в безопасную видимость».

Безопасная видимость находилась наверху. Там двери знали его имя, лифты не задавали лишних вопросов, а терминалы извинялись за задержку в три секунды. Внизу всё было иначе. Внизу город не извинялся. В лучшем случае он предупреждал: сам пришёл, сам и падай.

До нижнего лифта было четыре перехода. Первый турникет принял Артёма прилично. Свет моргнул синим, подумал и стал жёлтым.

«Маршрут не рекомендован. Подтвердите осознанное отклонение».

Артём подтвердил. Турникет открылся на ширину худого человека с умеренной надеждой. Ему пришлось пройти боком. За спиной кто-то фыкнул.

— Верхнего по талии меряют, — сказал мужчина с ящиком инструментов. — Видно, система тоже не верит, что он пролезет.

Артём промолчал. Внизу шутки были частью проверки. Если огрызнёшься — верхний. Если обидишься — верхний. Если сделаешь вид, что не слышал, тоже верхний, только скучный.

Второй турникет встретил его хуже. На экране возникла плашка: «Служебный иммунитет ограничен в связи с родственной вовлечённостью». Ниже появилась кнопка «Вернуться к согласованному маршруту». Кнопка была крупнее, чем проход. Республика любила давать выбор так, чтобы его было видно издалека.

Артём нажал «Продолжить».

«Вы входите в зону повышенной бытовой неопределённости. Город не гарантирует сохранение вашего служебного комфорта».

— Переживу, — сказал Артём.

Старуха у соседнего терминала подняла голову. Маленькая, сухая, в плаще с латками, она смотрела так, будто лично пережила три реформы и два лифта.

— Не смотри на турникет с надеждой, милоч. Он этим питается.

— Спасибо за совет.

— Совет бесплатный. За следующий попрошу батарейку.

Она приложила к панели старый пропуск. Турникет пискнул, не узнал её, потом узнал с обидной задержкой и открылся с обидой. Старуха прошла первой. Город ниже допуска уважал тех, кто умел ждать нагло.

Артём пошёл следом. Коридор к нижнему лифту был длинный, с низким потолком и трубами, которые не пытались выглядеть декоративно. На стенах висели старые указатели: «Технические уровни», «Санитарный спуск», «Доступ только при назначении». Поверх кто-то написал маркером: «Назначение: выжить».

Браслет завибрировал.

«Ваш текущий маршрут не соответствует профилю безопасности. Уточните цель перемещения».

Он выбрал «личные дела». Система отказалась: «Личные дела в зоне добровольного риска не рекомендованы». Он выбрал «ремонтный запрос». Система спросила номер заявки. Он закрыл окно.

Через десять шагов браслет сам открыл новое:

«Отказ от уточнения цели может снизить доверие к маршруту».

— У меня уже со всем снижение. Записывай в общую кучу.

Коридор стал теснее. Людей прибавилось: ремонтники, курьеры, женщины с сумками, подростки с кабелями, мужчина в медицинской маске, которая давно потеряла право называться белой. Все двигались быстрее Артёма. Они знали, где пол скользит, какой датчик слепой, у какой двери надо ударить кулаком, чтобы она вспомнила работу. Артём шёл по указателям. Это выдавало его сильнее костюма.

Третий турникет загорелся оранжевым и выдал полный текст:

«Внимание. Служебный иммунитет гражданина Артёма Соля не действует в зоне добровольного риска. Травмы, имущественные потери, конфликты с местной средой и ухудшение репутационного статуса не компенсируются административным контуром».

Под текстом было два варианта: «Вернуться» и «Принять равенство условий».

Артём невольно усмехнулся. Равенство условий. Вот оно где пряталось. Не в праве на лечение, не в доступе к лекарству, не в очереди к хирургу. Внизу у турникета, мелким шрифтом, рядом с отказом от компенсации.

Он нажал «Принять».

Турникет не открылся.

«Подтвердите, что принимаете возможную потерю служебного приоритета».

Он подтвердил.

«Подтвердите, что понимаете отсутствие ускоренного извлечения из локального конфликта».

Подтвердил.

«Подтвердите, что не будете требовать особого отношения на основании прежнего статуса».

Артём задержал палец над экраном. За спиной кто-то кашлянул.

— Долго будешь расставаться с короной? — спросил подросток с кабелем.

— Она застряла в интерфейсе, — ответил Артём.

Подросток прыснул.

— Ладно, смешной верхний. Это редкая поломка.

Артём нажал подтверждение. Турникет открылся. В проходе погас синий служебный свет, и на браслете исчезла маленькая эмблема Гармонии. Он знал, что это временно. Но ощущение было странным: словно с него сняли невидимую крышу.

У нижнего лифта стоял патруль. Двое в тёмной форме городского надзора, без тяжёлого оружия, но с лицами людей, которым достаточно вызвать того, у кого оно есть. Между ними висел сканирующий модуль, похожий на сердитый чайник. Артём вспомнил сказку Ники про робота, который мечтал стать чайником. Этот чайник явно мечтал стать протоколом задержания.

— Гражданин Соль, — сказал старший патрульный, когда модуль пискнул. — Ваш профиль не соответствует нижнему маршруту.

— Маршрут добровольный.

— Именно. Добровольное движение в зону риска часто связано с дезориентацией, эмоциональным кризисом или попыткой незаконного обмена.

— Удобный список. Почти любой день подходит.

Патрульный не улыбнулся.

— Цель спуска?

— Личное дело.

— Личные дела не рекомендуется решать в Нижних Секторах.

— Верхние рекомендации сегодня плохо работают.

Второй патрульный посмотрел на его костюм.

— Служба Гармонии?

— Уже без иммунитета, как сообщает ваш сердитый чайник.

Модуль мигнул красным, будто обиделся за чайник. Старший патрульный шагнул ближе.

— Вам лучше вернуться в безопасную видимость. В верхнем контуре вы сможете оформить тревожный запрос, получить консультацию и не создавать себе дополнительных рисков.

— Мне не нужна консультация.

— Это тоже частый симптом.

— Чего?

— Граждан, которые думают, что контролируют ситуацию.

Артём хотел ответить статусом, должностью, старой привычкой командовать. Сдержался. Мира была права: его должность здесь ничего не открывала. Более того, могла захлопнуть дверь.

— Я принимаю риск, — сказал он.

— Вы не понимаете среду.

— Поэтому и иду пешком, а не с лекцией.

Патрульный изучал его несколько секунд. Потом кивнул на лифт.

— Нижний спуск не туристический. Если потеряете браслет, мы не будем искать вас первыми.

— А вторыми?

— Оптимистично.

Старший нажал на планшет. У Артёма на браслете появилось новое предупреждение:

«Безопасная видимость отклонена. Патрульная рекомендация о возврате не исполнена».

— Хорошего вам добровольного риска, — сказал патрульный.

— Спасибо. Всегда мечтал получить его официально.

Лифт оказался большим грузовым коробом с облезлыми стенами. Сначала он просил приложить браслет, потом спрашивал, не забыл ли гражданин о последствиях, потом предложил «вернуться к уровню социальной устойчивости». Внутри стояли шестеро. Никто не возмущался. Люди внизу привыкли: прежде чем дать тебе поехать, город должен немного поговорить о твоей ошибке.

Старуха с плащом оказалась там же. Она держала пакет, из которого торчали провода.

— Всё-таки пролез.

— Турникет был голодный, но мы договорились.

— Не расслабляйся. Лифт хуже. Он старый, у него характер. Три раза спросит, уверен ли ты, и один раз — не хочешь ли покаяться.

Лифт дёрнулся и поехал вниз. Не плавно, как верхние кабины, а честно: железо скрипело, стены дрожали, пол напоминал, что гравитация не подписывала договор сервиса. На панели этажи не назывались. Вместо них шли номера технических уровней, потом буквы, потом серые полосы.

Артём смотрел на отражение в металлической двери: серый костюм, хорошая стрижка, лицо человека, который слишком поздно понял, что у города есть изнанка. Рядом стояли люди, которые на эту изнанку давно ходили как домой.

— Куда тебе? — спросила старуха.

— К старому узлу прачечной.

— Зачем?

— Личное дело.

— Верхние любят это слово. Думают, если дело личное, оно не пахнет политикой.

— А пахнет?

— Тут всё пахнет политикой, милок. Даже канализация. Особенно канализация.

Один из ремонтников засмеялся.

— Он, может, к женщине.

Старуха посмотрела на Артёма с сомнением.

— С таким лицом? Он не к женщине. Он к проблеме, которая уже была у женщины.

Артём не нашёлся, что ответить. Лифт ещё раз дёрнулся. На панели всплыло: «Связь со служебным контуром нестабильна. Сохранение приоритета невозможно». Эмблема Гармонии на браслете погасла окончательно, оставив обычный гражданский знак.

Старуха ткнула пальцем в браслет.

— Вот. Сняли с тебя шапку.

— Какую шапку?

— Невидимую. У верхних она вместо ума иногда работает. Не обижайся. У нижних тоже бывает, только у нас шапка дырявая.

Двери открылись на уровне, где воздух был теплее и тяжелее. Нижние Сектора начинались не с трущоб, как в старых агитфильмах. Сначала шёл технический вестибюль: низкий потолок, толстые кабели, стены в старой краске, терминалы с трещинами. Но здесь город звучал иначе. Наверху он шептал через интерфейсы. Здесь кашлял, скрипел и торговался.

На выходе стояла рамка с двумя экранами. Первый прочитал браслет и показал: «Гражданин Артём Соль. Текущий статус: условно-доступный». Второй предложил купить временный местный маршрут. Цена была смешная для Артёма и большая для тех, кто ходил здесь каждый день.

Он оплатил. Рамка выдала:

«Оплата принята. Местная среда не обязана признавать ваш платёж».

— Зачем тогда платить? — спросил он вслух.

— Чтобы среда посмеялась с чеком, — сказала старуха. — Пойдём, покажу выход, пока ты не купил воздух.

Они вышли в широкий коридор, который когда-то был торговым проходом. Витрины закрыли фанерой, но торговля никуда не делась. Она переехала на ящики, тележки, подоконники, старые автоматы. Час тепла. Ползаряда. Чужой талон на душ. Ремонт браслета без вопроса, почему он чужой.

Артём поймал себя на том, что классифицирует увиденное: остаточные услуги, неформальный обмен, низкая видимость, высокий риск. Он услышал собственный отчёт и захотел ударить себя по затылку.

— Не пялься, — сказала она.

— Я не пялюсь.

— Ты смотришь так, будто впервые увидел бедность без графика.

Он остановился.

— Это заметно?

— Милок, на тебе написано: «Я раньше думал, что люди живут в диаграммах».

У палатки с батарейками мальчик лет двенадцати рассматривал Артёма слишком внимательно. Потом показал кому-то два пальца. Сигнал ушёл дальше, к женщине с ящиком лекарственных упаковок, потом к парню у стены. Артём понял: его видят. Не как гражданина. Как верхнего, который спустился не туда.

Браслет завибрировал:

«Вы вошли в зону сниженного административного ответа. При возникновении конфликта рекомендуется деэскалация».

— Что пишет? — спросила старуха.

— Рекомендует деэскалацию.

— Правильно. Слово длинное, пока выговоришь — тебя уже ограбили, и конфликт закончился.

Она свернула к боковому проходу.

— Тебе к прачечной туда. Но прямо не ходи. Там сканер старый, верхних любит. Сначала к автомату с супом, потом за ним левый проход.

— Почему вы помогаете?

Старуха посмотрела на него, как на ребёнка.

— Потому что ты всё равно пойдёшь. А если пойдёшь прямо, тебя остановят, и начнётся шум. Шум нам сегодня не нужен.

— А если я принесу шум позже?

— Тогда скажем, что предупреждали. Внизу это почти юридический документ.

Она развернулась уходить.

— Как вас зовут?

— Зачем?

— Чтобы сказать спасибо.

— Спасибо можно сказать и без имени. И безопаснее.

Она ушла в толпу. Через несколько шагов уже нельзя было понять, где она.

Артём пошёл к автомату с супом. Автомат выглядел так, будто сам давно нуждался в супе и сочувствии. На экране горело: «Горячее питание. Вероятность пищевой радости: средняя». Ниже кто-то нацарапал: «Врёт».

За автоматом был левый проход, темнее, с мокрым полом. Артём сделал шаг — и рамка на входе пискнула.

«Служебный профиль обнаружен. Подтвердите отсутствие инспекционной цели».

Он замер. Сзади кто-то остановился. Двое подростков у стены перестали разговаривать. Даже автомат с супом будто притих, хотя это было технически маловероятно.

Артём выбрал: «Инспекционная цель отсутствует».

«Подтвердите, что не ведёте скрытую оценку среды».

Он нажал подтверждение.

«Подтвердите, что не будете использовать полученные наблюдения против локального населения».

Он задержался. Поле было юридически пустое, но морально тяжёлое. Потом нажал «подтверждаю».

Рамка открылась. Но люди смотрели. Мужчина у стены сказал:

— Слышали? Он обещал не использовать нас против нас. Теперь мы спасены.

— Прямо легче жить, — ответила женщина с лекарственными коробками. — Где мой бесплатный дом?

Артём прошёл, чувствуя, как уши становятся горячими. Здесь его статус не защищал. Здесь он был тем, чьи отчёты могли однажды закрыть кому-то лечение, маршрут, жильё. Люди не знали деталей, но им хватало походки.

Проход вывел к нижнему узлу прачечной. Точнее, к тому, что осталось от нормального узла. Двери с облупившейся эмалью, жёлтые трубы, запах сырой ткани и химии. На стене висела табличка: «Санитарный доступ закрыт». Она мигала через раз.

Артём вспомнил слова Савелия: если горит ровно — не ходи, если мигает — проходи. Он подошёл ближе. Браслет завибрировал так резко, что он едва не выругался.

«Внимание. Дальнейший маршрут не поддерживается городским контуром. Гражданин временно равен среде».

Строка повисла на малом экране. Смешная. Страшная. Честная. Наверху равенство было лозунгом. Здесь оно начиналось там, где система снимала с тебя руку и говорила: попробуй без меня.

За спиной послышался голос старухи, хотя Артём был уверен, что она ушла.

— Ну что, верхний? Дверь сама не откроется.

Он обернулся. Старуха стояла у стены и ела что-то из бумажного пакета.

— Вы следили?

— Я? Нет. Город маленький, если знать дырки.

— Что дальше?

Она кивнула на мигающую табличку.

— Дальше меньше имени. Сначала у дверей. Потом у людей. Потом у тебя самого, если не повезёт.

Артём посмотрел на браслет. Эмблемы Гармонии не было. Рекомендации молчали. Осталась только последняя строка:

«Гражданин временно равен среде».

Он убрал руку в карман, нащупал жетон Савелия и шагнул к двери санитарного спуска. В первый раз за много лет город не открылся перед ним сам. И, может быть, поэтому он вошёл.

Глава 10. Нижние Сектора

Дверь санитарного спуска открылась не сразу. Сначала она подумала, потом кашлянула замком, потом выдала Артёму на браслет последнее предупреждение: «Городской контур не поддерживает данный маршрут». После этого щель между створками нехотя расширилась, будто город пропускал его внутрь не потому, что разрешил, а потому что решил: пусть сам пожалеет.

За дверью пахло мокрой тканью, озоном, дешёвым маслом и чем-то жареным. Последнее было неожиданно уютным, пока Артём не увидел, что жарили не еду, а старые изоляционные пластины, чтобы снять с них тонкий слой металла. Под ногами дрожал настил. Где-то рядом стучала вода, не ручей и не труба, а нервная городская капель, которой давно обещали ремонт и забыли прислать извинения.

Он спустился по узкой лестнице. Служебная карта открылась сама, показала ровную серую схему с пометкой: «техническая зона, ограниченное население». Артём посмотрел на проход под лестницей, где трое детей меняли заряд батареи на пакет сухой каши, и закрыл карту. Схема врал даже без старания.

Нижние Сектора начинались с рынка остаточных услуг. Раньше Артём видел такие места только как «узлы неформального обмена». В отчётах это звучало чисто. На деле рынок шумел, дышал, пах и торговался сотней голосов. Здесь продавали не вещи, а куски нормальной жизни, отрезанные от тех, у кого она ещё оставалась.

На первом столе стояла табличка: «Час тепла. Без вопросов». Рядом женщина в старом жилете проверяла маленькие термокапсулы. Человек платил, садился в пластиковую кабину, и на целый час его переставало трясти от холода. На соседней стойке мальчик держал связку карточек: «Душ. Чужой талон. Действует до полуночи, если не поймают». Ещё дальше продавали «полсмены видимости»: незаконное подключение к чужому публичному профилю, чтобы пройти через район, где без видимости тебя могли не пустить даже к рабочему лифту.

Артём остановился у вывески, нарисованной на фанере: «Центр добровольной бедности имени вашего личного выбора». Под вывеской сидел мужчина с аккуратной бородой и чинил браслеты. Каждый раз, когда браслет оживал, он говорил:

— Поздравляю. Вы снова частично существуете.

Люди смеялись. Не весело. В Нижних, похоже, смех был способом не дать горлу заржаветь.

Артём пошёл вдоль рядов, стараясь не пялиться, но выходило плохо. Он узнавал слишком многое. Вот семья с двумя взрослыми и одной пожилой женщиной, зависимость от официального канала высокая, запасной опекун отсутствует, риск апелляционного бессилия — полный. Вот ремонтник с хронической травмой, долговая нагрузка, низкая медиавидимость, высокий шанс тихого отказа. Вот мать с ребёнком, которая покупает чужое окно к диагносту, потому что своё окно система перенесла на месяц, а болезнь не получила уведомление о переносе.

В отчётах всё это было таблицами. Здесь у таблиц были лица, мокрые рукава, старые сумки, шрамы, привычка считать монеты не глядя и быстрые взгляды в сторону патрульных камер.

— Потерялся, верхний? — спросил парень у стойки с батареями.

— Ищу старый холод, — сказал Артём.

Парень перестал улыбаться.

— Холод все ищут. Особенно зимой.

— Мне нужен человек, который знает дорогу.

— Всем нужен человек. С этим у нас дефицит.

Артём понял, что сказал не так. Фраза Миры была не для первого попавшегося. Он пошёл дальше, чувствуя, как чужие взгляды цепляются за костюм. Серый цвет Гармонии внизу был заметнее красного. Красный хотя бы честно предупреждал.

Браслет завибрировал: «Местный маршрут не подтверждён. Рекомендуется вернуться к точке входа». Он закрыл сообщение, но экран тут же выдал другое: «Ваше поведение может быть интерпретировано как скрытое наблюдение». Это было опаснее. Если система считала его наблюдателем, местные тоже могли так решить. А наблюдателей внизу не любили справедливо и творчески.

У палатки с тонкими кабелями маленький мальчишка лет двенадцати рассматривал его настороженно. Чёрные волосы, куртка на два размера больше, на шее старый наушник без пары. Он шёл рядом с Артёмом третий ряд, но делал вид, что выбирает, где скучать.

— Ты служебный, — сказал мальчишка наконец.

— Уже не очень.

— Так не бывает. Служебные как плесень. Если появились, значит, где-то стену не досушили.

— Ты всегда так знакомишься?

— Я не знаколюсь. Я предупреждаю. Вон тот патруль тебя уже срисовал.

Артём не повернулся. В отражении металлической панели он увидел двух городских надзорных у дальнего прохода. Они шли неторопливо, но прямо к нему. Модуль между ними ловил браслеты и подсвечивал профили.

— Почему ты мне помогаешь?

— Пока не помогаю. Проверяю, смешной ты или дорогой.

— И?

— Дорогой точно. Насчёт смешного думаем.

Мальчишка кивнул на боковой коридор.

— Если пойдёшь прямо, попросят цель маршрута. Скажешь «личное» — поведут обратно. Скажешь «ремонт» — попросят заявку. Скажешь правду — все удивятся и тоже поведут.

— А ты предлагаешь?

— Не идти прямо. Неужели наверху этому не учат? Странно. Там столько экранов, а жизни никакой.

Он свернул за прилавок с пакетами воды. Артём пошёл следом. Продавщица даже не подняла глаз, только отодвинула ящик ногой. За ящиком оказался узкий проход между стеной и старым холодильным контуром. Внутри пахло пылью и пластиком.

— Быстрее, служебный шрифт, — сказал мальчишка.

— Что?

— У тебя на лице всё написано ровными буквами. Старый служебный шрифт. Таких видно из-за угла.

— Как тебя зовут?

— Пока никак.

— Удобное имя.

— Очень. Его трудно внести в протокол.

Они прошли за холодильным контуром. Патрульные голоса остались снаружи. Один спросил у продавщицы, не проходил ли здесь гражданин в сером костюме. Продавщица ответила:

— Тут все серые. Вы в Нижних, начальник.

— Служебный профиль.

— А, так бы и сказали. Служебный профиль у нас вчера чайник покупал. Очень важный был чайник.

Мальчишка тихо фыркнул.

— Тётка Лара может спорить с патрулём до обеда. У неё талант и недоплаченный штраф, ей терять нечего.

Проход вывел их к ряду закрытых витрин. Стёкла были заклеены старыми детскими плакатами: «Развивайся сегодня — получи доступ завтра». На одном плакате ребёнок держал кубик с буквой «А». Кто-то дорисовал ему второй кубик с буквой «Д», получилось «ад». Нижний юмор не любил длинных объяснений.

— Ты знаешь, где старый холод? — спросил Артём.

Мальчишка присел у щели в стене и вытянул оттуда пакет с проводами.

— Знаю много мест, где холодно. Платят за конкретику.

— Чем?

— Смотря кто просит. Деньги есть?

— Есть.

— Значит, не годятся. С деньгами ты сразу похож на приманку.

— Тогда что?

— Покажи браслет.

Артём напрягся.

— Зачем?

— Не сниму. Не умею. Ну, умею, но сейчас лень. Покажи.

Артём поднял руку. Мальчишка быстро взглянул на экран, присвистнул.

— О, тебя город уже почти разлюбил. «Временно равен среде». Красота. Обычно верхние за такое платят на экскурсиях.

— Здесь бывают экскурсии?

— Нет. Я шучу, чтобы не плакать. Ты не распознаёшь? Плохо. Внизу без этого долго не живут.

— Мне надо найти старый медсклад.

Мальчишка перестал копаться в проводах.

— А вот это уже глупо. Даже для служебного шрифта.

— Почему?

— Потому что медсклад ищут или отчаянные, или те, кто ловит отчаянных. Первых жалко, вторых бьют, пока не станут похожи на первых.

— Я из первых.

— Все так говорят. Вторые тоже учатся.

Артём достал пластиковый жетон Савелия, но не протянул, а только показал. Мальчишка прищурился.

— Это кто дал?

— Человек, который помнит Миру.

— Верхний знает красивые фразы. Опасно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.